

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

**ВЕСТНИК
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
НАУК**

Сборник научных трудов

Выпуск 7

*Под редакцией
доктора социологических наук,
профессора И.Ю. Киселева*

Ярославль 2007

УДК 316/32
ББК С5я43+Ф0я43
В 38

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве научного издания. План 2007 года*

Вестник социально-политических наук : сб. науч. тр.
В 38 Вып. 7 / под ред. проф. И.Ю. Киселева ; Яросл. гос. ун-т. –
Ярославль : ЯрГУ, 2007. – 112 с.

Содержатся статьи профессорско-преподавательского состава факультета социально-политических наук ЯрГУ. С позиций общественных наук обсуждаются различные проблемы истории и современности.

Предназначено преподавателям, аспирантам, студентам и всем интересующимся актуальными проблемами истории и современности.

УДК 316/32
ББК С5я43+Ф0я43

Редакционная коллегия:
профессор И.Ю. Киселев (отв. редактор),
профессор Г.М. Нажмудинов,
профессор В.Т. Анисков,
профессор Ю.А. Головин,
профессор И.Ф. Албегова,
доцент И.Г. Шатохин,
доцент Л.Д. Руденко

© Ярославский государственный университет, 2007

И.Ф. Албегова

**Социология социальных проблем
как инновационное научно-практическое
направление исследования
современного российского общества**

В условиях современного российского общества наблюдается ярко выраженная тенденция количественного увеличения и качественного изменения социальных проблем. При этом наряду с типичными, традиционными социальными проблемами появляются и сосуществуют принципиально новые, связанные с изменениями в социальной структуре общества и социально-экономическими, социально-политическими и психологическими условиями ее функционирования.

Среди всех существующих в современном российском обществе проблем особое место занимают глобальные, охватывающие весь мир и все население земного шара. К их числу относятся: экологические проблемы, проблемы войны и мира, терроризма и борьбы с ним, бедности, безработицы, голода, освоения всех видов ресурсов, перенаселения и т.д.

Есть группа проблем, характерных только для отдельных частей света, стран и регионов. Есть групповые и личностные проблемы, проблемы возраста и пола, ситуативные и регулярно появляющиеся, решаемые и вечные. Большинство проблем связано с человеком, его деятельностью, ее влиянием на социум и окружающую среду. Речь идет о так называемом антропогенном факторе, который является источником, причиной и стимулом большинства современных проблем. Более того, активное взаимодействие людей неизбежно ведет к возникновению разного рода социальных ситуаций, нередко имеющих негативную окраску. Если эти ситуации имеют большое число участников или субъектов, затрагивают раз-

ные группы населения и имеют негативные последствия, то их называют социальными проблемами.

Проблемы социальны в нескольких смыслах. Во-первых, они социальны по происхождению, то есть возникают в результате действия и (или) бездействия определенных групп людей. Во-вторых, они социальны по идентификации и определению, то есть проблемы устанавливают и «озвучивают», формулируют конкретные социальные группы. В-третьих, проблемы социальны по их решению, которое почти всегда невозможно без организованного коллективного действия.

Процессы возникновения, существования, постоянного разрешения, сосуществования «новых» и «старых» социальных проблем привели к их институционализации и превращению диагностированных и вербализированных проблем в объект современного научного исследования.

Социальные проблемы стали объектом изучения принципиально нового направления в современной отечественной науке – социологии социальных проблем. Параллельно с этим в ряде российских вузов стала преподаваться учебная дисциплина с аналогичным названием. Например, у студентов специальности Социальная работа факультета социально-политических наук ЯрГУ им. П.Г. Демидова она преподается с 2007 года.

Социология социальных проблем как научное направление и учебная дисциплина предполагает изучение дефиниций социальных проблем, их структуры, типологии и основных направлений разрешения и оптимизации. Именно в этой науке в настоящее время разработана схема анализа социальных проблем, представлена их сущность, источники, основные свойства и стадии развития, факторы и условия стабилизации и разрешения, взаимодействия и взаимовлияния, а также дается анализ социальных последствий названных проблем. При этом определяется онтологический статус каждой из проблем, степень ее новизны и стадия развития.

Каждая социальная проблема анализируется не только на основе ее теоретического понимания и объяснения, но и на основе эмпирических данных, получаемых в конкретных социологических и других исследованиях.

Типов исследований социальных проблем, основных методов их эмпирического изучения в настоящее время существует доста-

точно много. Особое место при их изучении занимает вмешательство или интервенция в социальные проблемы. По сути, социология социальных проблем необходима как теоретическая основа изучения и разрешения всех социальных проблем общества XXI века в целом и современного российского конкретно.

Среди многообразия форм, методов и технологий разрешения социальных проблем особое место занимает социальная работа. Именно субъекты социальной работы наряду с субъектами социальной политики диагностируют, вербализуют и определяют пути и способы интервенции социальных проблем.

Пятнадцатилетнее существование социальной работы в современном российском обществе совпало с активным вхождением России в мировое социальное пространство. В настоящее время она активно институционализируется в единстве трех направлений: как социальная практика, как инновационная теория и как комплекс учебных дисциплин. Непрерывающийся процесс возникновения принципиально новых и решения традиционно старых проблем ставит социальную работу в число наиболее актуальных видов профессиональной деятельности, требующей своего глубокого теоретического осмысления, создания, апробации и внедрения инновационных социальных технологий и методов.

Развитие социальной работы, ее распространение на всю социальную сферу ставит задачу подготовки высококвалифицированных кадров, специалистов в области социальной деятельности, их интеграции в общество, создания профессиональных союзов, ассоциаций и объединений, выработки принципов их существования в российском обществе. Особую роль при этом играет внедрение в образовательную систему принципов Болонской декларации, переход на двухуровневую подготовку бакалавров и магистров, внедрение инновационных методов оценки знаний студентов, в том числе кредитной системы, переход к информационным технологиям обучения, что в совокупности представляет собой принципиально новую социальную проблему. В ее структуру входят психологическая готовность профессорско-преподавательского состава вузов Российской Федерации к восприятию совершенно новых уровней образования – бакалавриата и магистратуры, необходимость кардинальной перестройки технологии обучения, адаптации к новым критериям оценки качества своего труда, важность освое-

ния компьютерной техники и возможностей индивидуальной мобильности. Другой составляющей названной социальной проблемы является изменение системы отбора претендентов на обучение, связанное с массовым переходом на обязательное проведение контрольных мероприятий в форме тестирования и ЕГЭ.

Важным является и изменение системы оценки знаний обучающихся, внедрение кредитов. Переход на кредитную систему оценки знаний студентов, по мнению автора, с одной стороны, поднимет мотивацию к учебе у студентов, активизирует их присутствие на занятиях и повысит активность на семинарах, привьет им навыки активного конспектирования, вызовет желание освоения методик и технологий самообучения, стимулирует интерес к результатам (оценкам текущей успеваемости, итоговым оценкам, срезам остаточных знаний и т.д.) и своим компетенциям – умениям применять полученные в аудиториях знания в игровых, нестандартных, жизненных ситуациях.

С другой стороны, переход на кредитную систему оценок знаний студентов объективно требует от преподавателя активной разработки и использования новых форм методического обеспечения учебного процесса (ридеры, учебно-методические комплексы, кейсы, тесты), активного использования компьютерных технологий (Интернета, дистанционных форм обучения и т.п.).

Таким образом, социология социальных проблем как инновационное научно-практическое направление исследования современного российского общества позволяет изучить и решить проблемы российского общества на разных уровнях, в разных областях и сферах, примером чего является реформирование современного российского высшего образования в соответствии с требованиями Болонского процесса.

В.Т. Анисков, А.Р. Хаиров

**Склоненное слово
(к 1000-летию православия
на Ярославской земле¹)**

Заканчивая наш исторический очерк, выполненный в форме доброжелательной научно-просветительской хроники, мы, как смогли, избегали обижаящих сентенций. И если, независимо от воли авторов, где-то прорывались «нежелательные» нотки отдельных фрагментов, то не наша позиция в том причина. История, как сумма явлений, – самый что ни на есть синтезируемый объективный факт, который не отодвинешь в сторону, не потеряв уважения. Перефразируя известное высказывание, скажем и так: история – это повивальная бабка современности и будущего – ее надо охранять законом. Нас не покидало чувство благодарности к православным святыням и их хранителям. Опыт истории – наш главный оберег.

Вот и ныне, политологически сблизившись с нашими общими с церковью духовными и иными проблемами, нам никуда не уйти от их вызова, хотя казалось бы, умолчать проще:

– Не потерять бы всем Нам, верующим и сутью православным, Наш собственный третий Рим, размытый первым. И тут всем давно бы выйти наружу из локальных ниш и более чем уважительно собраться в одной, главной, судьбоносной. Как Мы уже поступали в беспримерном единении во Вселенской битве с фашизмом.

– Не обмануться бы Нам в географических адресах – внешних и внутренних, в стратегических союзниках и амбициозных временщиках – светских и религиозных. Может, и в самом деле ветер с Востока и Юга сильнее и чище, чем грозы, скажем, католического Запада. Не случайно история распорядилась так, что православие первого пришествия зашло к Нам именно с Юга. Даже Великий новатор Иоанн-Павел II смог пройти в Нашу сторону лишь полпути.

¹ Из новой монографической работы авторов.

– Не стать бы вновь агентами собственного влияния в глобалистских планах других. Тысячелетняя история православия России денно и ночью складывалась из неустанных забот о создании Великого государства в помощь близким и соседям, о расширении собственной миссионерской деятельности. И мы приветствуем возведение храма Святой Екатерины в Риме, как и возрождение деятельности нашей церкви в далекой Японии, не говоря о Китае.

– Не сдавать в обиду и унижение свой Народ. Не зауживать до обыденной «требы» Христовы заповеди. Не торопиться отпустить грехи земные и принимать от Бога ниспосланные почести. Всегда будем помнить, что распнуть тело и дух своих людей – смертельный земной грех. Это значит объявить Всевышнему войну на стороне дьявола. Не упускайте возможности встать с Крестом поперек, а то и предать анафеме.

– Не забывать и своих ошибок – смертным они присущи. Тем более в тяжкое и во многом не наше время. Мирянам одновременно хуже и легче – есть перед кем каяться за обыденное. Иерархам сложнее: не ждать же с опущенной головой тот же отчужденный Рим – вроде бы родственный, а холодный. Выход один: каяться перед давней историей, когда она хватается за рясы. В пояс кланяться и просить у народа права тверже защищать его от напастей. Вспоминать и возрождать своих же лучших предшественников – давних былых и вовсе недавних. И не со всем согласных, но честнейших и жертвенных, вроде Никона или Иоанна С.-Петербургского и Ладожского. Потому прав Христос: «Умолчанием предается Бог!».

– Пуще всего опасаться расколотого общества и таких же ощущений, которые оставили панихида августа 1991 и молебен октября 1993 года, равно как и тусклая, уже забытая реакция вокруг «Норд-Оста». А сколько потом было подобных скрытых и явных горьких событий типа Беслана, рвавших душу «обыденной чередой». Но не затушена ни одна свеча у тех, кто напрямую в том повинен. Ни один не изгнан из храма под звон колоколов, к чему призывал еще помазанник Иисус. Да они и сами все меньше толпятся у алтаря. Противиться до последнего дроблению людей признаками религиозной, светской и возрастной совести поколений – как праздничными, так и иными предпочтениями.

– Но возродим схимников наших дней, назовем с признанием хотя бы нескольких из них. Или чем-то обделим себя ради общего

дела. Не в драгоценных мерцаниях одежды и храмов можно сни-
скать к себе уважение. Хотя мы вовсе не против достойного воз-
вращения утерянного, но в меру восприятия его теми, кому оно
служит. Можно допустить и вынужденную тактическую торопли-
вость без ущерба стратегической неуверенности. И не более! Дабы
иное не вылилось в противоположное. Но и с учетом такой диалек-
тики выскажем, например, искреннее удовлетворение усилиями
Ярославской епархии, приобретшей свое новое кафедральное пре-
бывание, по сооружению заново древнего кафедрального Успен-
ского собора на Волжской стрелке и водружению памятной Деми-
довской стелы. Да, не забыть бы за этим очень перспективное во
всех отношениях возрождение и самого здания Демидовского уни-
верситета с участием всех обучавшихся поколений.

– А нам всем верующим в православии, с его традиционным
богословием, современным духовно-научным и индивидуальным
преломлением, быть бы (со всей, конечно, церковью) искренне
благодарными именно нашей местно-государственной власти за
все содеянное в помощь общим интересам. Мы должны, простите,
почаще вспоминать, что уже почти три пятилетия – с декабря 1991
г. – губернатором области и мэром Ярославля соответственно тру-
дятся А.И. Лисицын и В.В. Волончунас. Глубинные земляки – пат-
риоты, они возложили на свои плечи огромную ответственность за
всё происходившее в крае.

– Уже третий архиепископ за это сложнейшее время в добром
взаимопонимании возглавляет нашу старейшую епархию в России
– Платон, Михей и Кирилл. Мы совсем нередко видели, читали и
отдавали должное их многим объединенным властно-церковным
свершениям. И не только разрезания ленточек, окропления и бла-
гословения придавали происходившему особенный смысл. Но не
станем при том упускать возможностей ярких и проникновенных
обращений священнослужителей к тем же первым лицам – не
только с благодарственным, а и со своим особенным словом. Ведь
не всё было так гладко – посещали и куда как сложные времена. И
тем более, что об этом уже критично «проговорились» даже те, кто
не столь усердствовал в их преодолении.

– На соборе епископов в августе 2000 г. была принята новая
доктрина православной церкви по социальным вопросам, опреде-
лена позиция к явлениям и открытиям XX века. Это обнадеживает

и совпадает с нашими робко высказанными, но с почтеннейшим уважением к РПЦ, суждениями. Думается, что следовало бы чаще пополнять, развивать и корректировать духовно-философские начала верований. В просвещении своей паствы, особенно за пределами храмов и тем более среди интеллигенции, все больше и глубже в проповедальном начале смещаться от сугубо богословских традиций в сторону их научно-психологических и интуитивных восприятий на грани нынешнего ощущения неразрывности земного, небесного и космического. Такое смещение ближе и соотносимо со взглядами философско-религиозной русской классики. Но не сотрясать доктринальное православие столь «потребно», как все чаще поступаем с Основным Законом государства.

– И последнее. Начиная нашу книгу, мы стремились предоставить потенциальному, соответствующей заинтересованности читателю систематическое освещение ее предмета – от простейших сюжетных линий и даже раскрытия обычных в религиоведении понятийных форм с последующим их усложнением по мере углубления самой исторической канвы. В этой связи углублялся и сам характер проблематики, видоизменялся авторский стиль. С переходом к завершающим разделам учебно-просвещенческий акцент все больше уступал место аналитическим и даже религиозно-методологическим подходам, с подключением к некоторым читательским умонастроениям. Восходящее усложнение, как и намеревались авторы, позволило в итоге выйти даже на некоторые актуальнейшие проблемы современной духовной жизни и церковно-государственного бытия.

А потому и тем более мы хотели бы представить читателям мнения и пожелания наших уважаемых, известных лидеров городской и областной власти и, конечно же, Ярославской епархии.

И последний из числа наиважнейших наших тезисов, провозглашенный на XI Всемирном русском народном соборе (март 2007) Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II: «Сегодня многие пытаются переориентировать наш народ с приоритета духовного богатства на приоритет материальных ценностей. Культ обогащения как главной цели жизни человека проповедуется с академических кафедр, политических трибун, телеэкранов, газетных и журнальных страниц... Если стяжание становится для человека или народа смыслом жизни, сочетается с жестоко-

стью, несправедливостью, гордыней, глухотой и страданиями ближних, – то оно несомненно является греховным». И далее: «Не только богатство, но и бедность может стать сильнейшим искушением для человека, озлобить его, ввергнуть в пучину отчаяния и даже подтолкнуть на преступный путь. Вот почему преодоление бедности – наша задача».

С тревогой говорил о растущей пропасти между богатством и бедностью митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Эта чудовищная диспропорция слилась с созданием моды на порок, мотовством, безнравственными способами накопления. «Стыдно, когда богатые тратят огромные деньги на сомнительные развлечения и потом имеют дерзость оправдываться по телевидению», – сказал владыка. Мы же, в свою очередь, с печалью заметим и то, что безудержное стремление к обогащению внедрилось даже в среду некоторых и «новых архиереев», ставших владельцами банков, бензоколонок, гостиниц, дворцов за границей и пр. Размеры их непомерных капиталов открыто обсуждаются и осуждаются в прессе.

Так что первоначальному Христову православию предстоят радикальные усилия по наведению соборного порядка во всех сферах церковно-общественной жизни – на виду и в интересах всего народа.

Аминь!

М.В. Афонин

К вопросу о международной правосубъектности «Группы восьми» (G8)¹

Проблема, вынесенная в заглавие статьи, возникла не случайно. Дело в том, что в науке международного права, когда мы пытаемся каким-либо образом охарактеризовать то или иное междуна-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-03-02016а).

родное объединение, мы неизбежно ставим вопрос о его правовом статусе, иначе дальнейшие рассуждения будут носить чисто умозрительный характер. Естественно, что право, в том числе и международное, стремится урегулировать такие базовые вопросы, от решения которых зависит весь последующий анализ.

В настоящее время существует два подхода к понятию международной правосубъектности. Согласно первой концепции, традиционной и более распространенной в наши дни, субъектами международного права выступают сами государства и их производные – международные межправительственные организации². Вторая концепция имеет меньшее число сторонников, однако не менее научна. Ее суть состоит в распространении на международные отношения понимания субъекта права, принятого в общеправовой теории, где указанное качество связывается с юридической возможностью участия в правоотношениях³. Таким образом, круг субъектов, чье поведение регулируется международно-правовыми нормами, существенно расширяется.

Для нашего случая вторая концепция предпочтительнее, т.к. «Группа восьми» позволяет нам сделать предположение о наличии международной правосубъектности у G8. Однако необходимо помнить о том, что субъекты международного права подразделяются на первичные и производные. Первичных участников межгосударственных отношений и, следовательно, первичных субъектов международного права никто не создает в качестве таковых. Их появление – объективная реальность, результат естественно-исторического процесса. Это прежде всего государства и, в некоторых случаях, народы и нации. Производные же субъекты международного права создаются первичными. Объем их международной правоспособности зависит от намерения и желания их создателей. Это могут быть межправительственные организации либо государствовподобные образования. Создатели наделяют их правом выступать в межгосударственных отношениях от собственного имени. Как правило, правоспособность производных субъектов международного права определяется международными договорами. Реаль-

² См.: Дипломатический словарь. Т. 1. М., 1984. С. 172.

³ См.: Международное право / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2003. С. 46.

но производной международной правосубъектностью наделяется лишь тот, кто действительно может после своего создания участвовать в межгосударственных отношениях. И в этом отношении «Группа восьми» имеет основания для того, чтобы именоваться субъектом международного права.

С другой стороны, мы не можем однозначно говорить о наличии данного качества у G8 уже просто в силу того, что сами участники этого международного объединения заявляют следующее: «"Группа восьми" не является международной организацией. Она не основана на международном договоре, не имеет формально определенных критериев приема, устава и постоянного секретариата. Решения "восьмерки" носят характер политических обязательств государств-участников»⁴.

Более того, в международно-правовой системе отсутствует единое понимание правовой природы других не менее значимых международных организаций, и вопрос их правосубъектности также ясно не определен. Так, неоднозначно определяется правовая природа и правосубъектность ЕС, СНГ и Союзного государства России и Белоруссии. Такая неясность объясняется как отсутствием четких положений в учредительных договорах о форме и правосубъектности объединений, так и тем, что данные образования не вписываются в рамки традиционных представлений о международных организациях.

Кроме того, в литературе смешиваются такие понятия, как «международная организация», «международное учреждение», «международный орган» и т.п. Правильнее методологически и с учетом существующей практики понимать международное учреждение как родовое, наиболее общего вида международное объединение, формирование из двух и более государств (или их физических и юридических лиц), независимо от юридического статуса этих объединений.

Исходя из этого, международной организацией следует считать международное учреждение, обладающее обычно в силу учредительных документов правовым статусом либо межгосударственной (межправительственной) организации с определенной функцио-

⁴ Информационная справка о «Группе восьми» // <http://www.mzsrrf.ru/summit/320.html> (18.04.2007).

нальной международной правосубъектностью, либо негосударственной (неправительственной) организацией обычно с тем или иным правовым национальным статусом, предоставляемым в одном или в нескольких государствах. Международные органы – это структурные подразделения международных учреждений и международных организаций, иногда наделяемые и самостоятельной правосубъектностью (некоторой цивилистической аналогией могут служить филиалы, представительства юридических лиц и т.п.)⁵. Международными учреждениями, кроме международных организаций (межправительственных и неправительственных), являются также международные конференции, преференциальные системы и параорганизации, не являющиеся международными организациями.

На наш взгляд, «Группу восьми» как раз следует отнести к так называемым параорганизациям (от греч. «пара» – схожий, подобный), которые схожи с подлинными международными организациями, близки им, параллельны им. Параорганизациям свойственны постоянство и регулярность работы, часто, но не обязательно, в привязке к определенному местопребыванию; постоянный и обычно четко лимитируемый состав участников. Но они принципиально отличны от международных организаций тем, что юридически не наделяются правосубъектностью (правоспособностью), функционируют хотя и с определенным составом членов, но обычно без учредительных актов, не имеют формализованной организационной структуры, не обладают правом принятия юридически квалифицированных, обязывающих решений.

История знает примеры таких организаций: так называемая «Группа 77», объединяющая практически все развивающиеся страны, образована в ходе Женевской конференции ООН по торговле и развитию 1964 г. С этого времени развивающиеся страны не только в рамках ЮНКТАД, но и на других крупных международных форумах по экономическому сотрудничеству выступают во многом с согласованными позициями, нередко оказывая определяющее влияние на принятие тех или иных решений.

⁵ См.: Дмитриева Г.К. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей, разделу VI «Международное частное право». М., 2002. С. 136.

Таким образом, международную параорганизацию можно определить как неформальное объединение, подобное международной организации, но не являющееся таковой, не обладая правосубъектными и правотворческими свойствами и явственными институциональными качествами.

В западной доктрине в качестве некоего эквивалента «параорганизации» в конце 90-х гг. XX в. появляется понятие «мягких организаций» – «soft organizations»⁶.

В связи с этим нельзя не вспомнить замечание Е. Пашуканиса: «Нередко договоры, заключенные государством с частными лицами, физическими или юридическими, играют не меньшую роль в политическом отношении, чем договоры между государствами»⁷.

Действительно, нельзя забывать о природе международного права, регулирующего, прежде всего, политические отношения между государствами, в то время как остальные вопросы международной жизни, хотя и становятся все более значимыми, находятся в некоторой зависимости от решения главных, политических, вопросов.

При таком подходе вопрос о международной правосубъектности уходит в сторону, позволяя нам большее внимание уделять конкретным фактам, свидетельствующим о важности деятельности параорганизации, ее влиятельности, механизмах принятия решения в ее рамках, политике ее участников и т.д.

М.В. Афонин, Ю.В. Бабак

Международная защита прав ребенка как институт международного права

Институт международной защиты прав ребенка как совокупность международно-правовых норм, регулирующих сотрудниче-

⁶ См., например: Klabbers J. The Concept of Treaty in International Law. The Hague, 1999.

⁷ Пашуканис Е. Очерки по международному праву. М., 1935. С. 153.

ство государств по обеспечению и защите прав детей во всех сферах жизни, сформировался после Второй мировой войны.

Вместе с тем отдельные нормы, относящиеся к защите прав ребенка, получили международно-правовую регламентацию и до Второй мировой войны. В этот период (с начала XX в. до 1945 г.) международное сотрудничество государств, имеющее отношение к правам ребенка, осуществлялось по трем направлениям: борьба с рабством; вопросы торговли женщинами и детьми; международное регулирование труда детей и подростков. Принятые конвенции (как, например, Конвенция о рабстве 1926 г., Конвенция о борьбе с торговлей женщинами и детьми 1921 г., Конвенция МОТ № 3 об охране материнства, Конвенции МОТ о минимальном возрасте найма детей на работу в сельском хозяйстве (№ 10), на море (№ 8), в качестве рыбаков (№ 112), в промышленности (№ 59) и на непромышленные работы (№ 60) и др.) регулировали вопросы борьбы с торговлей детьми, использованием их с целью проституции, а также вопросы охраны материнства, минимального возраста принятия детей на различные виды работ.

Однако межгосударственное сотрудничество затрагивало лишь отдельные стороны правового положения детей. Государствами не ставился вопрос о разработке какого-либо универсального международного документа, который содержал хотя бы минимальный каталог прав ребенка и нормы по обеспечению этих прав. Исключением является Декларация прав ребенка, принятая Лигой Наций в 1924 г. Однако она не накладывала обязательств непосредственно на государства, а лишь провозглашала обязанность «мужчин и женщин всех стран мира» заботиться о благополучии детей. Особенность данного периода заключается в том, что определяющим в международном сотрудничестве по правам ребенка, как и по правам человека в целом⁸, являлось внутригосударственное право.

Таким образом, фрагментарное обращение государств к сотрудничеству по вопросам прав ребенка, отсутствие единых принципов взаимодействия и механизмов реализации норм позволяет сделать вывод о том, что международной защиты прав ребенка как

⁸ См.: Права человека: Учебник для вузов / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1999. С. 459, 464.

системы международно-правовых норм в тот период не существовало.

Современная система международной защиты прав ребенка (как составная часть международной защиты прав человека) сформировалась в рамках Организации Объединенных Наций, одним из основополагающих принципов которой стало провозглашение уважения к правам и свободам человека без какой-либо дискриминации.

Начиная с 1945 г. эволюция международной защиты прав человека прошла ряд этапов⁹.

Первый этап международного сотрудничества в области прав человека продолжался с 1945 г. до начала 1980-х гг. и характеризовался накоплением международных стандартов по правам человека. Принятый в 1945 г. Устав ООН в общем виде закрепил принцип уважения прав человека. В соответствии с Уставом одной из целей Организации являлось осуществление международного сотрудничества «в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» (ст. 1, п. 3).

В развитие принципа уважения прав человека в 1948 г. была принята Всеобщая декларация прав человека, определившая перечень и содержание основных прав человека. Эти права нашли свое юридическое закрепление в Международных пактах по правам человека 1966 г., которые вместе с Всеобщей декларацией сформировали Билль о правах человека. Дальнейшая разработка международных стандартов шла по пути детализации, конкретизации положений указанных международных документов. В итоге к концу 1980-х гг. было разработано свыше 80 международных соглашений, охватывающих важнейшие сферы применения прав человека, что позволило ряду ученых сделать обоснованный вывод о том, что система основных международных стандартов в области прав человека уже сложилась. Однако полностью этот процесс не завершился и в настоящее время.

Второй этап (начавшийся примерно с 1980-х гг.) характеризуется ростом международных контрольных механизмов и процедур,

⁹ См.: Черниченко С. В. Теория международного права. Т. 2. М., 1999. С. 391-392.

имеющих целью повысить эффективность уже накопленных стандартов в области прав человека. Такие механизмы и процедуры появлялись и ранее, но общая тенденция к их созданию стала проявляться именно в 1980-е гг., что, как отмечает профессор Черниченко, отражает стремление к институционализации межгосударственных отношений на этом участке¹⁰.

Международные контрольные механизмы состоят из конвенционных и внедоговорных контрольных органов; международные процедуры подразделяются на различные категории: исследование ситуаций, связанных с предполагаемыми или установленными нарушениями прав человека, рассмотрение докладов государств о выполнении своих обязательств согласно ратифицированным ими международным соглашениям, а также претензий государств друг к другу и индивидуальных жалоб, касающихся нарушений государством международных стандартов.

Таким образом, в 1945 г. Устав ООН создал правовую основу для формирования международной защиты прав человека. Дальнейшее ее развитие шло по следующим направлениям: разработка международно-правовых принципов и норм в области защиты прав человека и создание международных контрольных органов за их соблюдением.

Следует отметить, что хотя в международно-правовой литературе термин «международная защита прав человека» получил довольно широкое распространение¹¹, в его понятие вкладывается различный смысл.

Ряд ученых подчеркивают, что в сферу международной защиты прав человека входит «разработка межгосударственных соглашений и иных документов по правам человека, а также содействие их осуществлению»¹². А.П. Мовчан, например, понимает под «международной защитой» международное сотрудничество государств по содействию всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод. При этом он указывает, что деятельность по

¹⁰ См.: Черниченко С. В. Теория международного права. Т. 2. С. 392.

¹¹ См., напр.: Карташкин В.А. Международная защита прав человека. М., 1976; Мовчан А.П. Международная защита прав человека. М., 1958; Он же. Права человека и международные отношения. М., 1982. С. 19-35.

¹² Международное право: Учебник для вузов / Под ред. Г.В. Игнатенко, Д.Д. Остапенко. М., 1978. С. 197.

международной защите прав человека состоит в создании всеобщих рекомендаций по правам человека; разработке международных соглашений в этой области; создании специального механизма по проверке выполнения государствами своих международных обязательств по правам человека¹³.

Другие ученые (например, Ю.А. Решетов, Г.М. Мелков) термином «международная защита прав человека» обозначают совокупность принципов и норм, образующих одну из отраслей современного международного права¹⁴.

Некоторые юристы, например С.В. Черниченко, первоначально подразумевали под международной защитой прав человека действия государств по борьбе с грубыми и массовыми нарушениями прав человека (геноцидом, апартеидом, расизмом и т. д.)¹⁵. Однако в настоящее время С.В. Черниченко считает, что сфера международной защиты прав человека значительно расширилась¹⁶. Отдельные авторы вообще высказываются против использования этого термина, ссылаясь на юридическую неопределенность самого понятия «защита» в международном праве¹⁷.

Белорусский ученый Л.В. Павлова также подчеркивает, что среди юристов-международников нет единого подхода к определению термина «международная защита»¹⁸. Она отмечает, что одни авторы рассматривают международную защиту в качестве одного из компонентов международного сотрудничества в области прав человека, другие сводят ее лишь к деятельности международных контрольных органов, третьи включают в этот термин разработку рекомендаций, международных стандартов, подлежащих обяза-

¹³ Мовчан А.П. Права человека и международные отношения. М., 1982. С. 19-20.

¹⁴ См.: Международное публичное право: Учебник / Под ред. К.А. Бекяшева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 200; Международное право: Учебник / Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М., 2000. С. 472.

¹⁵ См.: Черниченко С.В. Личность и международное право. М., 1974. С. 78-79.

¹⁶ См.: Черниченко С.В. Теория международного права. Т. 2. С. 398.

¹⁷ См.: Подуфалов В.Д. К вопросу о понятии «международная защита прав человека» // Сов. ежегодник международного права – 1985. М., 1986. С. 209-210.

¹⁸ См.: Павлова Л.В. Международная защита прав человека и ее эволюция на современном этапе // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1996. № 1. С. 24.

тельному применению государствами, и осуществление контроля за их применением.

Не вдаваясь в детальную дискуссию, можно согласиться с тем, что последняя точка зрения является наиболее оправданной, так как закономерно отражает процесс развития международной защиты прав человека. Ее придерживается и сама Л.В. Павлова, понимая под международной защитой прав человека «систему международных органов и процедур универсального и регионального характера, функционирующих в направлении разработки международных стандартов в области прав и свобод человека и осуществления контроля за их соблюдением государствами»¹⁹. Эта защита осуществляется путем разработки деклараций-рекомендаций по правам человека, разработки международных стандартов в этой области, а также путем контроля за соблюдением государствами этих международных стандартов.

Международная защита прав ребенка является составной частью международной защиты прав человека, поэтому к ней применимы практически все ее положения. При этом выделение вопросов, относящихся к правам ребенка, в самостоятельный предмет в рамках международной защиты прав человека вызвано прежде всего причинами объективного характера: во-первых, в результате целого ряда исторических условий социальный статус детей ниже, чем взрослых, и международная защита прав ребенка направлена на обеспечение детям равных прав и возможностей со взрослыми; во-вторых, в силу физической и умственной незрелости ребенку необходимо предоставление особых прав и дополнительной защиты.

После Второй мировой войны развитие международной защиты прав ребенка, так же как и защиты прав человека, шло в направлении разработки международных стандартов в области защиты прав ребенка и создания специальных контрольных органов за их соблюдением.

Нормотворческая деятельность по защите прав ребенка велась по нескольким направлениям: 1) закрепление прав ребенка в универсальных декларациях и конвенциях по правам человека (Все-

¹⁹ Павлова Л.В., Зыбайло А.И. Международное гуманитарное право: Учеб. пособие. Ч. I. Минск, 1999. С. 62.

общая декларация прав человека 1948 г., Пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.); 2) закрепление прав ребенка в международных соглашениях, регламентирующих права отдельных социальных групп, тесно связанных с ребенком (права женщин, беженцев), или в определенной области отношений (в области семейного, трудового права, образования) (Конвенция о статусе апатридов 1954 г., Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков 1962 г., Конвенция МОТ, касающаяся запрещения и немедленного действия по устранению наихудших форм детского труда 1999 г.); 3) разработка деклараций и конвенций, специально регулирующих права ребенка (Декларация прав ребенка 1959 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г.).

В рамках Конвенции о правах ребенка был создан специальный механизм контроля за выполнением положений Конвенции – Комитет по правам ребенка, уполномоченный рассматривать доклады государств о принятых ими мерах по осуществлению положений Конвенции. Кроме этого, защита прав ребенка может осуществляться и через другие международные контрольные механизмы по правам человека.

Защитой прав детей в отдельных областях занимаются также специализированные учреждения ООН: Международная организация труда (МОТ), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Организация Объединенных Наций по вопросам науки, культуры и образования (ЮНЕСКО). Созданный в 1946 г. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) оказывает международную помощь и техническое содействие государствам по защите детей и их прав.

Исходя из вышесказанного, можно дать следующее определение международной защите прав ребенка: это система международных органов и процедур, осуществляющих защиту детей путем разработки международных стандартов в области прав ребенка и создания специальных механизмов контроля за соблюдением этих прав со стороны государств.

Таким образом, вместе с международной защитой прав человека, в ее рамках, развивалась и международная защита прав ребенка, что привело к обособлению совокупности международно-правовых

норм, регулирующих сотрудничество государств в этой области. В результате сложился институт прав ребенка, являющийся частью отдельной отрасли международного права, регулирующей вопросы защиты прав человека.

О.Г. Белохвостова, И.Ю. Киселев

О статусе России в «Большой восьмерке»*

Формальные признаки той или иной организации позволяют определить ее официальный статус. Отсутствие определенной структуры, устава и правил приема новых членов не позволяют признать за «большой восьмеркой» право называться официальной международной организацией. Вероятно, по этой причине пресса часто определяет этот международный форум как «дорогостоящие мероприятие на высшем уровне, не приносящее никакой реальной пользы»¹. Противоположную версию предлагают антиглобалистские движения, которые видят в организации новое мировое правительство, ориентированное только на западные ценности. Они апеллируют к неформальным признакам организации, таким как власть и влияние.

Эти полярные мнения отражают специфику «клуба». Отказ «большой восьмерки» использовать обычные методы и заставлять своих участников строго следовать принятым документам выходит из первоначальной задачи этой структуры. Изначально «восьмерка» создавалась как для координации общих действий стран-участниц в разных сферах, так и для увеличения доверия лидеров этих стран друг к другу². По этой причине все, что делают государ-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-03-02016а)

¹ Дмитриева О. «Восьмерка» будет править миром? // Российская газета. 2003. № 104 (32/8), 31 мая. С. 4.

² Официальный сайт саммита «большой восьмерки» 2006 г. в Санкт-Петербурге: <http://www.g8russia.ru/g8/history/shortinfo/> – последний просмотр 18.04.2007.

ства, состоящие в «клубе», является их доброй волей, а следовательно, выполняется без оглядки на те или иные санкции. Эффективность атмосферы доверия подтверждает тот факт, что заключенные «восьмеркой» договоренности позволили миновать несколько крупных экономических кризисов с наименьшими возможными потерями.

Статус «восьмерки» определяется, прежде всего, политическим, экономическим и военным потенциалом ее участников. Это позволяет «клубу» влиять на те или иные интересующие их сферы международной жизни. Другим показателем роли «восьмерки» являются ее связи с международными организациями разного толка (ОЭСР, МВФ, МБРР, Парижский клуб и др.). Члены «клуба» обладают «в совокупности правом решающего голоса в ключевых международных институтах»³. По ходу расширения интересов «восьмерки» были установлены связи и с другими международными организациями. В сфере экологии – ЮНЕП и Глобальный экологический фонд, в рамках расширения заинтересованности «клуба» ядерной безопасностью произошло сближение с МАГАТЭ. Для предотвращения транснациональной преступности поддерживаются контакты с Интерполом, а для решения современных социально-гуманитарных проблем с ЮНЕСКО, МОТ и ВОЗ⁴.

Такие связи говорят о политическом весе «восьмерки», однако обвинения в создании нового мирового правительства беспочвенны. Любое правительство должно демонстрировать единство мнения и позиций. Но, как мы уже сказали, в организации присутствуют значительные разногласия. Например, предложенная Тони Блэром тема о решении проблемы глобального потепления в Гленниглазе вновь напомнила о том, что руководители США – одного из сильнейших участников «клуба» – не подписали Киотский протокол. Непреклонная позиция Америки в этом вопросе завела переговоры в тупик. Осложнения произошли и на последней встрече в Санкт-Петербурге. Разногласия участников косвенно воплотились в том, что в итоговом документе нет даже упоминания о согласованной энергетической политике стран "большой восьмерки".

³ Луков В.Б. «Большая восьмерка» в современном и будущем мире // Международная жизнь. 2002. № 3. С. 52.

⁴ Дзагуто В. Шестерка, семерка, восьмерка тузов // Россия в глобальной политике. 2006. № 4. С. 15.

Кроме этого, мировое правительство, вероятно, должно рассматривать все аспекты современности, в то время как «клуб» занимается только определенными сферами, не стараясь подменить собой другие международные форумы и организации. Прежде всего, речь идет о Совете Безопасности ООН. Участники «большой восьмерки» не раз заявляли о том, что «клуб» не собирается вмешиваться в военные конфликты. Однако члены этого форума готовы помогать другим международным организациям в случае осложнений. Так, например, «восьмерка» подключилась к урегулированию международного кризиса в июле 1999 года и активно участвовала при подготовке «косовской» (№1244) резолюции Совета Безопасности ООН⁵.

Наш анализ показывает, что члены «клуба» не стремятся к обретению всей полноты власти, а лишь представляют стран-участниц на международной арене. Все функции, которыми обладают группы интересов, также присущи и «большой восьмерке». Артикуляция, агрегирование интересов и информирование властных структур о них и послужили толчком для создания международного форума в 1975 году. Особенность «восьмерки» заключается в том, что она оказывает влияние на разные страны, а не на административные органы своего государства, которые стоят выше в иерархии власти. Таким образом, получается, что они прорабатывают «правила игры» для равных себе по статусу структур: государства-участники для себя и других государств.

Таким образом, «восьмерка» представляет собой «определенную форму организации, которая обладает набором требований»⁶ и ищет пути их продвижения через воздействие на политические и экономические процессы в мире, то есть это группа интересов глобального характера. Главная проблема, которую встречает на своем пути подобная структура – это противоречие между неформальным статусом и постановкой перед собой весьма конкретных задач.

Россия прошла довольно длинный путь присоединения к «клубу». Изначально «большая семерка» создавалась для противостоя-

⁵ Луков В.Б. «Группа восьми»: роль и функции в международной системе// Полития. 2002. № 1. С. 48.

⁶ Там же. С. 45.

ния Советскому Союзу. Интеграция России в этот международный форум началась лишь после распада советской системы. В начале девяностых годов прошедшего столетия представители нашей страны присутствовали на заседаниях «клуба» как приглашенные гости, не имеющие права голоса. На следующем этапе Россия участвовала только в обсуждении политических вопросов и принятии решений исключительно в этой сфере. Главной преградой для получения полного членства для России была ее слабая экономика и неразвитая демократическая система. На современном этапе наша страна уверенно чувствует себя в качестве полноправного участника этого престижного форума. Особенно значимым для Российской Федерации был саммит 2006 года, который проходил в Санкт-Петербурге и значительно поднял статус страны на международной арене. Но мнения о том, что Россия не заслуживает права быть представленной в этом институте дипломатии высшего уровня, продолжают высказываться.

Сложно спорить с тем, что по экономическим показателям Россия отстает от других членов восьмерки. В политической сфере также есть проблемы. Обеспокоенность западных держав вызвало дело Михаила Ходорковского. Несмотря на это, разговоры об исключении России из числа «большой восьмерки» скорее надуманы, чем отражают реально картину происходящего. Россия является важным элементом поддержания стабильности в мире. Благодаря своему геополитическому положению и давним связям в своем регионе, наша страна увеличила престиж «восьмерки» в глазах западных государств. Теперь форум на самом деле носит глобальный характер. Кроме этого, у России особый статус, так как ее военный потенциал играет большую роль в мировых процессах, а экономическое развитие крайне важно для других членов «большой восьмерки». Безусловно, наша страна также заинтересована в участии в форуме, так как в него входят основные партнеры России по торговле и инвестициям.

Вопросы о статусе «восьмерки» и о роли в ней России тесно связаны между собой. Дальнейшее значение этого института на международной арене будет зависеть от того, как решится вопрос с нашей страной и другими потенциальными участниками этого форума.

Ю.А. Головин, А.В. Дан-Чин-Ю

Политико-экономические аспекты присоединения России к ВТО

В XX веке центр тяжести сместился в сторону многостороннего экономического сотрудничества. С точки зрения выработки норм, регулирующих торговую политику в международном праве, доказательством этому служит то, что подавляющее большинство стран мира (150) входит в универсальную многостороннюю систему торгово-политического регулирования ГАТТ/ВТО. Однако процесс вступления в ВТО для большинства стран является длительным и болезненным, так как в переговорном процессе со страной-претендентом на место в ВТО могут участвовать все страны – члены Всемирной Торговой Организации, каждая из которых в отдельности представляет свои интересы и пытается добиться наилучших для себя условий присоединения.

Не удивительно, что предстоящее вступление России в ВТО вызвало волну полемики в научных и деловых кругах. Официальная позиция Министерства экономического развития и торговли РФ состоит в том, что членство в ВТО дает стране множество экономических преимуществ в результате либерализации торговли, что и рассматривается как цель вступления в эту организацию.

При рассмотрении экономических и политических аспектов вступления России в ВТО, однако, следует учесть, что вопрос о либерализации торговли и ее влиянии на экономику *не должен быть центральным* при обсуждении перспектив присоединения к ВТО, так как Всемирная Торговая Организация – это всего лишь один из механизмов для получения потенциальных выгод от либерализации. Поэтому чистый баланс выгод и издержек, получаемых в результате либерализации при присоединении к ВТО, следует сопоставлять с

– чистым балансом выгод и издержек при осуществлении альтернативных вариантов либерализации и

– «ценой» получения доступа к действующим в ВТО политико-правовым механизмам защиты экономических интересов.

Существуют и альтернативные ВТО механизмы реформирования внешнеторговой политики, предполагающие осуществление нормативных новаций в одностороннем порядке или в рамках региональных торговых соглашений.

Односторонняя либерализация (или, шире, реформа торговой политики, проводимая в одностороннем порядке) – традиционный объект экономических исследований, как теоретических, так и эмпирических. Одностороннее проведение реформ предполагает полный суверенитет страны в области торговой политики, что развязывает правительству руки при выборе оптимальных, с его точки зрения, методов достижения желаемых целей.

Бесспорное преимущество односторонней либерализации – принципиальная возможность проведения оптимального с точки зрения национальной экономики курса внешнеторговой политики, не связанная с необходимостью учитывать встречные требования партнеров по переговорам.

Но, во-первых, одностороннее и избирательное принятие либерализационных обязательств, не обеспечивая доступа к политико-правовым механизмам ВТО, может оказаться неоптимальным с точки зрения обеспечения интересов национальных экономических субъектов. Во-вторых, целью субъектов принятия решений на национальном уровне может оказаться вовсе не разработка экономически оптимальной стратегии либерализации, а удовлетворение экономических интересов поддерживающих их бизнес-групп. Таким образом, односторонняя либерализация не может быть альтернативой ВТО.

Многосторонние – региональные и глобальные – механизмы формирования торговой политики, прежде всего, предполагают существенное ограничение национального суверенитета в соответствующей сфере для координации принятия решений в международном масштабе. Единственное существенное многостороннее региональное соглашение, участником которого является Россия, – это Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС). Однако, несмотря на все политические декларации, оно так и не стало механизмом, оказывающим значимое положительное влияние на состояние российской экономики.

Следовательно, требуется иной, более действенный механизм многосторонней либерализации экономики. Может ли ВТО быть

таким механизмом многосторонней либерализации, более эффективным, нежели односторонние механизмы.

Представим себе самый эффективный из политически возможных вариантов реформы внешнеторговой политики, проводимой в одностороннем порядке, и возьмем его за точку отсчета. Именно с ней (а не с ситуацией статус-кво) следует сопоставлять эффект присоединения к ВТО. Разность между соответствующими вариантами либерализации и будет мерой издержек доступа к политико-правовым механизмам защиты интересов национальных экономических субъектов в рамках ВТО. Если эта разница окажется отрицательной, то «либерализация по ВТО» будет целесообразной даже в том случае, если шансы на эффективное использование указанных механизмов равны нулю. Если же она окажется положительной, то это и будет цена, которую страна заплатит за доступ к механизмам ВТО, и обоснованность такой сделки будет зависеть от того, какой суммой реальных выгод обернется получение доступа.

Равновесие в этой модели достигается при условии, что максимальные выгоды от односторонней внешнеторговой политики равны максимальным выгодам от вступления в ВТО с учетом эффективного использования политико-правовых механизмов.

$$\text{MAX}(O_1, O_2, O_3 \dots O_N) - \text{MAX}(WTO) = \Delta WTO,$$

где $O_1, O_2, O_3 \dots O_N$ – выгоды от внешнеторговой политики 1,2,3...N, проводимой в одностороннем порядке,

WTO – выгоды от присоединения к ВТО,

ΔWTO – выгоды от доступа к политико-правовым механизмам защиты интересов национальных экономических субъектов в рамках ВТО¹.

Выгоды от доступа к политико-правовым механизмам защиты интересов национальных экономических субъектов Россия сможет получить лишь в случае способности эффективно конкурировать на политическом рынке ВТО, эффективно «отбивая» претензии к себе и используя политико-правовые механизмы для эффективного лоббирования своих интересов.

Таким образом, «оправданием» вступления России в ВТО может служить именно потенциальная возможность эффективного

¹ Афонцев С. Присоединение к ВТО: экономико-политические перспективы // Russian Expert Review. 2003. № 2 www.rusrev.org

участия Российской Федерации в формировании международного политико-правового поля, а не прочие неосязаемые и трудно прогнозируемые экономические выгоды, о которых так много спорят в российском политическом и экономическом сообществе. В том случае, если Россия окажется неспособной реализовать этот потенциал, вступление России в ВТО может оказаться проигрышным вариантом по сравнению с односторонней внешнеторговой политикой.

Чем быстрее Россия вступит в ВТО, тем больше шансов, что она сможет играть какую-либо роль в выработке правил международной торговли. В этом свете положительно то, что 9 апреля 2007 г. в своем выступлении на II международном конгрессе "Россия в ВТО: надежда и стратегические возможности" глава МЭРТ РФ Герман Греф заявил, что Россия рассчитывает завершить основную часть многосторонних переговоров по вступлению в ВТО уже в первом полугодии 2007 г.

О.В. Епархина

Социальное настроение в анализе пространства социального конфликта

В известнейших теоретических концепциях конфликта (Г. Зиммель, Р. Дарендорф, Л. Козер и др.) указывается, что в качестве объекта исследования социальный конфликт отличают: гетерогенность; полиморфность; полиструктурность. Поэтому для исследования такого объекта целесообразно опираться на методологические положения, выработанные философией, социологией, конфликтологией и психологией. Такой интегративный подход позволит представить пространство социального конфликта с точки зрения его а) многоуровневости; б) многомерности; в) многосферности.

Столкнувшись с необходимостью разработки наиболее адекватной условиям региона модели диагностики и анализа социальных конфликтов, автор, с учетом обозначенных выше потребностей, пришел к использованию следующей модели, с необходимо-

стью включающей предварительную диагностику социального настроения как категории, определяющей проблемные точки в пространстве социального конфликта.

Существенное свойство социального конфликта состоит в том, что его субъекты действуют в рамках более широкой системы связей, которая может модифицироваться (и, как правило, это и происходит) под воздействием конфликта (укрепляться или ослабевать). Исследование социальных элементов, связей и отношений, социальных институтов, условий их существования и развития в пространстве социального конфликта позволяет наиболее полно осмыслить суть происходящих событий, их интенсивность и направленность, выявить наиболее значимые конфликтогенные факторы. Социальное самочувствие и социальное настроение в данных условиях выступают как меры социального конфликта.

Социальное настроение – настроение, разделяемое членами социальной общности, складывающееся в отношении и по поводу конкретных социальных явлений и процессов. Социальное настроение способно оказывать влияние на его носителей либо играть роль фона. Под социальным настроением, таким образом, мы понимаем некое комплексное социо-эмоциональное образование, являющееся индикатором будущих конфликтных действий человека, но опирающееся на его прошлый общественный и личный опыт. Оно может иметь разную предметную направленность и складываться соответственно в отношении различных сфер общественной жизни (политика, экономика, профессиональные предпочтения и т.п.) или по поводу социально-значимых событий и социальных процессов. В социальном настроении выделяют:

- ситуативный компонент (на него влияют события, произошедшие непосредственно перед возникновением настроения или в процессе его формирования), в который входят мнения, оценки и представления, а также эмоции, возникающие по поводу событий;

- постоянный компонент, в который входят устойчивые представления, мнения, стереотипы группы. Этот компонент постоянно присущ группе до формирования настроений и актуализируется в момент роста потребности в данном настроении. В частности, после угасания конфликта этот компонент не исчезает, а отодвигается в глубь группового сознания.

Каждый из указанных компонентов имеет эмоциональную и рациональную сторону. Рациональная сторона характеризует содержание социального настроения, формирующееся как результат отражения личностью социальных условий и обстоятельств, процессов и явлений. Исследователем эта сторона устанавливается через фиксирование мнений, оценок, установок. Эмоциональная сторона – это эмоциональное отношение к происходящим процессам и социально-значимым явлениям; ее измеряют через фиксацию уровня удовлетворенности и социального самочувствия группы.

Дальнейшая схема аналитической работы с информацией достаточно традиционна.

- Выделяются мотивационные характеристики, работающие в данном пространстве: мы характеризуем конфликт и с точки зрения его развернутости, вводя соответствующий показатель. Конфликт будет полным и развернутым, когда он основывается на одновременном включении в мотивацию всех трех уровней мотивации: потребностей, ценностей, интересов; и неразвернутым, если включен лишь один уровень мотивации – потребности или ценности (интересы в данном случае будут их производной). Каждый выявленный мотивационный элемент достаточно вариативен в плане развития ситуации (не получая желаемое благо, часть представителей группы заменяет его другим, часть сохраняет требования и т.п.). Поэтому здесь возрастает вероятность нахождения новых источников социального напряжения, возникновения новых конфликтных ситуаций и усугубления конфликтов.

- Определяются сферы конфликтного взаимодействия. В сфере экономики выделяются конфликты, связанные с вариантами распределения ресурсов, с функционированием институтов распределения и раскрывающие противоположность экономических установок разного типа. В сфере политики – способы организации обществом уровня его сплоченности и характера властных отношений. В сфере духовной жизни конфликты связаны с характером свободы, типом культуры и групповой интерпретацией общегуманитарных ценностей.

- Выявляются глубинные причины конфликтов. Здесь следует учитывать такие значимые факторы, как динамика ресурсной базы конфликта и характер ее использования, способы самоорганизации группы для получения ресурса и ее ориентация на определенный

тип действий (рациональные, эмотивные и др.), идентификация интересов (анализируются показатели, отражающие набор желаемых благ, отношение к институтам распределения этих благ, приемлемые социумом формы социального неравенства). В частности, исходя из практик конфликтологических исследований в предыдущие годы, мы выделяем интересы в когнитивной сфере, трудовой деятельности, сфере досуга и индивидуальные достижения в сфере социально-значимой деятельности (куда может входить самый широкий круг интересов, который исследователь сознательно сужает исходя из специфики исследуемой группы).

Таким образом, исходя из категории социального настроения, мы выходим на традиционные схемы анализа конфликта, делающие притязания сторон прозрачными для исследователя и позволяющие ему оценить уровень их асимметричности, но получаем более широкие возможности анализа конфликтного пространства, что в свою очередь отражается на качестве разрешения конфликта.

Указанная схема анализа пространства социальных конфликтов послужила основой для проведения пилотных количественных исследований социальных конфликтов в Ярославской области. Анализ информации изначально осуществлялся путем расчета индексов удовлетворенности проблемных групп каждой сферой общественной жизни и интегрального показателя удовлетворенности. Использование для обработки информации статпакетов SPSS дает возможность оперативного создания таких индексов и показателей.

Основными факторами, обуславливающими формирование социальных настроений, как показали исследования, традиционно являются низкий уровень жизни населения и поляризация доходов, а также специфика взаимоотношений общества и власти, выражающаяся в отсутствии взаимодействия. Чуть менее значимы факторы, связанные с качеством и функционированием существующей нормативной системы. Однако уровень социальной напряженности в регионе далек от острых значений и находится в так называемой «зоне неустойчивых значений», когда доли респондентов, в целом удовлетворенных и не удовлетворенных жизнью, исходя из интегральных показателей практически равны. Попытки подсчета альтернативных показателей по результатам исследований в 2001 – 2006 гг., проведенных по иным методикам, дали сходные результаты.

Интересно, что открытый конфликт как способ решения проблем признается подавляющим большинством респондентов (свыше 80%), при этом люди склонны избегать конфликтных моделей поведения в более чем половине случаев. Такие противоречия как раз и объясняются использованием в исследовании категории социального настроения (пилотные замеры проводились после 3-4 знаковых для города и региона конфликтогенных событий, а также в относительно «спокойные» периоды). Почти 1/5 из числа лояльно воспринимающих конфликт как форму общественного развития респондентов при отсутствии настроеобразующих событий и явлений отметили дисгармоничный характер любых конфликтных проявлений и их деструктивность и неприемлемость. Любопытно, что при активизации некоторых практик выхода конфликта социальные настроения меняются в сторону их признания и (особенно при высокой результативности таких практик) продолжают восприниматься как приемлемые в будущем. Конфликтное поведение в большинстве своем выступает для граждан как ситуативная реакция на событие, в силу этого отмечается низкая ориентированность на институционализацию разрешения конфликта в рамках гражданского общества (не выше 2-3 % в различных группах), институционализацию разрешения конфликта в рамках государственных органов (не более 1/4 опрошенных), в то время как индивидуальность форм поведения и ответственности за него в конфликте отмечают свыше половины опрошенных. Это приводит нас к выводам о том, что при существующем уровне социальной напряженности и качестве преобладающих социальных настроений даже при незначительном обострении одного или нескольких «факторов экстримизации» ситуация не разрешится в форме открытого конфликта, а возможно лишь появление новых скрытых протестных форм.

Основным достоинством такой схемы исследования конфликтов является, по нашему мнению, отход от понимания социальных настроений, провоцирующих рост социальной напряженности как исключительно негативного явления, и солидаризация с мнением Смелзера о том, что любой вид напряжения может выступать в качестве детерминанты любой формы коллективного поведения, как позитивной, так и негативной.

О.К. Ефимова

Проблемы демократии в условиях глобализации

На протяжении последних десятилетий в ряде регионов мира происходят глубокие политические трансформации, общим знаменателем которых является распространение вширь системы политической демократии, причем этот процесс сопровождается тенденциями, ранее не свойственными становлению демократии. Эти новые политические реалии создают дополнительный импульс для исследователей: формируется новая предметная сфера анализа, ситуация спора и размышления о теоретических подходах к феномену демократии и ее перспектив.

Для того, чтобы проследить, как протекает процесс развития демократии, необходим высокий уровень концептуальной ясности относительно содержания термина «демократия». Многие исследователи констатируют концептуальную путаницу в рассмотрении условий, моделей демократии и непосредственно процесса демократизации. Значительные разночтения существуют и в вопросе о диапазоне и масштабах политических атрибутов демократии. Здесь мы подходим к проблеме связи демократизации и глобализации, стадиальности демократии в контексте всемирно-исторического процесса.

В специально посвященном глобализации исследовании института ООН ЮНРИСД отмечается, что распространение либеральной демократии – одна из главных тенденций этого процесса¹.

Однако опыт последних десятилетий показывает, что процесс глобализации создает далеко не однозначный контекст для демократического развития не только в странах с незавершенной модернизацией, которые с точки зрения мир-системного подхода относятся к периферии и полупериферии, но и в традиционном цивилизационном (западном) ареале развития демократии.

¹ Тревоги мира. Социальные последствия глобализации мировых процессов: Доклад ЮНРИСД. М., 1997. С. 24, 25.

Вопрос о том, какие страны, по каким критериям могут рассматриваться в качестве развивающихся по пути демократии, действительно ли можно считать, что реальные тенденции мирового развития благоприятны для расширения ареала распространения демократических ценностей, вызывает серьезные дискуссии в политической науке развитых стран. В большей степени зарекомендовал себя комплексный подход, при котором демократия рассматривается как процесс применения ряда общих принципов (признаков) к меняющимся реальностям политической жизни.

Так, в XIX – начале XX века демократия ассоциировалась, прежде всего, с существованием представительных органов власти, расширением рамок избирательного права.

В годы «холодной войны» особое внимание стало уделяться тем аспектам демократии, которые были связаны с гарантиями обеспечения прав человека. В конце XX века начал приобретать особое значение ракурс демократии, связанный со свободой выражения групповых интересов на национальном и международном уровне.

«Дом свободы» (США) оценивает степень демократичности общества на основе соответствия его политики принципам Всеобщей декларации прав человека. Так, 85 стран, где проживает 38,9% населения мира, в основном соответствуют демократии; 58, на которые приходится 25,3% мирового населения, соответствуют частично; 48 государств (35,8% населения Земли) могут быть охарактеризованы как недемократические.

Согласно анализу экспертов «Дома свободы», на степень распространения и стабильности демократии влияют цивилизационные характеристики общества: из 85 стран, которые определяются как «свободный мир», в 76 исторически преобладала христианская религия. Основным ареалом распространения демократии остаются Европа (24 государства) и Америка (из 35 американских государств к полностью демократическим относятся 22, к «частично демократическим» – 12). В наименьшей степени демократия получила распространение в исламском мире: из 41 относящейся к нему страны лишь 1 характеризуется как «свободная», 14 – «частично демократические», 26 – как недемократические. К «частично демократиче-

ским» американские аналитики относят и все бывшие советские республики, кроме государств Прибалтики².

Многие авторитетные представители академической элиты США выражают скептицизм в отношении перспектив демократии в развитых странах. Тезис о «кризисе демократии» был выдвинут в связи с падением доверия большинства американцев к федеральному правительству (если в 1960-е годы доверие к нему выражало до 3/4 избирателей, то в 1970-е лишь 1/4)³.

Кризис доверия был связан как с текущими политическими событиями, так и с факторами более долгосрочного порядка. К последним обычно относят усиление тенденций к бюрократизации исполнительной ветви власти, концентрации в руках узкого круга высших чиновников права фактического принятия решений по широкому кругу вопросов без учета мнения общественности. По данным опросов общественного мнения, около 90% граждан США считали демократию оптимальной формой политического режима, но при этом около 80% избирателей не было удовлетворено деятельностью федерального правительства, считало, что оно неэффективно и неверно тратит бюджетные средства. Лишь 10% избирателей позитивно оценивали деятельность законодательной ветви власти⁴. Важнейшая причина разочарования избирателей в федеральном правительстве связана с тем, что оно склонно принимать решения по вопросам, которые имеют жизненно важное значение для страны, без учета мнения не только общественности, но и законодателей или же не информирует последних о возможных негативных последствиях своих действий. Нередко отмечается также негативное влияние на престиж власти ее неспособности противостоять попыткам «закулисного манипулирования правительственными ведомствами» со стороны корыстных групп давления, особенно военного ведомства, фактически нарушающего принцип, заключающийся в том, что армия должна быть политически нейтральной.

Однако с учетом того, что, по данным социологических исследований, устойчивый интерес к политике проявляет меньшинство

² См.: Karatnycke A. Freedom A. Century of Progress. The 1999-2000 Freedom House Survey. New York, Freedom House, 1999 s/p.

³ Nye J.S.Jr. Government we don't Trust. Foreign Policy, Fall, 1997. P. 100.

⁴ Ibid. P. 99, 107.

избирателей (не более 25%, в том числе к внешней политике – около 5%)⁵, едва ли на настроения большинства американцев могут повлиять особенности процедуры принятия решений в Вашингтоне.

Аналогичная картина крайне низкого доверия населения к существующим политическим институтам обнаружилась и в Европе. Согласно опросам, уровень «большого доверия» к парламентам в девяти западноевропейских странах, и без того крайне низкий (всего 10% в 1981 г.), упал к 1990 г. до 6%. В Великобритании в 1983 г. 46% населения либо не выражали никакого доверия к парламенту (13%), либо – «незначительное» доверие (33%). К концу 80-х гг. эта доля возросла до 55% (соответственно 15% и 40%). Что касается доли лиц, выразивших «достаточное доверие», то она снизилась за тот же период с 17 до 8%. В ходе опросов, проведенных в середине 90-х гг., среди населения шестнадцати западноевропейских стран уровни «большого доверия» колебались в среднем от 2 до 8%, только в 5 странах они были выше 10% (Австрия – 10%, ФРГ – 12%, Ирландия – 12%, Люксембург – 17%, Дания – 19%). В то же время доля тех, кто «не удовлетворен» и «совсем не удовлетворен» состоянием демократии, колебалась от 79% (Италия) до 40 – 70% (8 стран) и 19 – 35% (остальные страны)⁶.

М. Доган, подробно исследовавший этот феномен, подчеркивает, что недовольство нынешним состоянием демократии и ее институтами не распространяется на ценности демократии и демократическую политическую систему как таковые и свидетельствует лишь о росте недовольства неадекватностью утвердившихся норм и принципов демократии, о возросших ожиданиях и требованиях масс.

Европейские общественно-политические силы и ученые выступают с критикой политики неолиберальных правительств, которая лишила демократию социального измерения, свела ее к электоральному, минималистскому варианту. За годы правления новых консерваторов (1979 – 1997) в Великобритании были распущены отраслевые и общенациональные советы экономического развития

⁵ Alterman E. Democratic Foreign Policy. World Policy. Vol. XIII, No. 2, Summer 1996. P. 27.

⁶ Доган М. Эрозия доверия в развитых демократиях // МЭ и МО. 1999. № 6. С. 44-45.

(в которых были представлены правительство, предприниматели и профсоюзы), игравшие заметную роль в системе выработки и принятия социально-экономических решений. Из десятков и сотен так называемых кванго («квазинеправительственные организации») были изгнаны представители тред-юнионов, других общественных организаций. За 18 лет правления тори не был проведен ни один референдум. В годы пребывания у власти М. Тэтчер была резко ослаблена роль профсоюзов и трудовых коллективов на предприятиях. Подобная линия проводилась и в ряде других стран, где у власти оказались неолиберальные силы. В этот период появляются нацеленные на углубление и расширение демократии концепции таких ученых, как А. Лейпхарт, Р. Патнэм, У. Хаттон, М. Дональд (концепция «общества соучастия», «многосоставной демократии» и др.). Эти идеи перекликаются с концепцией «общества всеобщей включенности», развиваемой современной социал-демократией. Актуальность данных подходов и идей во многом объясняется тем, что развитие по пути «демократии собственников» и процессы глобализации способствовали углублению социального неравенства и разрыва в уровне доходов. В результате значительно возросла доля людей, которые в силу низкого дохода и образа жизни не ощущают себя органичной частью общества. Сторонники социальной демократии в последние годы обращают внимание и на такой феномен, как растущая «исключенность» значительной части богатых людей, не ощущающих себя частью национально-государственных образований. Этот все более весомый и влиятельный сегмент космополитизирующейся элиты любыми средствами пытается уйти от налогов и тем самым усугубляет разрыв в доходах и уровне жизни граждан.

Многие исследователи делают вывод об общем для высокоразвитых демократических стран феномене исчерпания прежней парадигмы демократии, связанном прежде всего с последствиями экономической глобализации.

Ж. Аттали, основатель «геоэкономической» школы во французской политологии, в статье «Крах западной цивилизации», опубликованной журналом «Foreign Policy» в 1997 году⁷, выразил

⁷ Attali J. The Crash of Western Civilization. The Limits of Markets and Democracy // Foreign Policy. Summer 1997. P. 59.

мнение, что в условиях глобализации формируется совершенно новая социально-экономическая среда развития процессов политической жизни, которая неблагоприятна для соблюдения демократических принципов, поскольку эти принципы не могут быть реализованы в условиях, когда в обществе доминирует логика свободной рыночной экономики. Именно по этой причине государство взяло на себя задачу придания рыночной экономике социально ориентированного характера, ограничения последствий ее монополизации.

Однако, с одной стороны, в глобализированной экономике прежние рычаги, с помощью которых государство придавало реальное содержание общедемократическим идеалам равноправия граждан, утрачивают эффективность. Новые рычаги контроля над экономической жизнью, связанные с определением «правил игры» для ТНК и ТНБ в глобальном масштабе или в рамках «единых пространств», охваченных интеграцией, еще находятся в стадии формирования.

С другой стороны, деятельность межправительственных, международных, наднациональных институтов, роль которых в структурировании «единых пространств» объективно возрастает, далеко не всегда отвечает нормам демократии, многие из них стоят вне какого бы то ни было демократического контроля общественности.

С этой точки зрения падение доверия граждан к исполнительной власти демократических государств выступает следствием распространения глобализации на сферу политической жизни. Чем больше полномочий делегируется наднациональным, международным институтам, тем больше избиратели, не видящие реальных возможностей воздействия на эти институты, разочаровываются в демократических институтах власти вообще. Отражение и защита интересов граждан все чаще ассоциируется с местными (региональными, земельными и т.д.) органами власти, а также корпоративными институтами (профессиональные, ведомственные, религиозные, этнические и иные объединения). Развитие и усиление последних разрушает основной принцип демократии – равенства граждан, поскольку возможность получения поддержки более сильной корпоративной структуры (в плане материальных льгот, статуса и т.д.) становится источником нового неравенства. Местные органы власти более богатых, преуспевающих регионов спо-

собны предоставлять большие льготы гражданам, чем администрация в «зонах упадка».

Отсутствие «равенства возможностей» в условиях усиления корпоративных, групповых начал в политической жизни было немаловажным фактором обострения во многих странах этнических и религиозных противоречий.

Неоднозначным образом глобализация влияет и на процессы демократизации в незападных странах. Нынешний этап глобализации сопровождается углублением экономической дифференциации между наиболее развитыми и большинством остальных стран. Запуск процессов демократизации в развивающихся странах приводит к «дерегулированию экономики, снижению ее эффективности и падению уровня жизни; в результате в политике *de facto* укрепляются авторитарные тенденции, но *de jure* отступление от демократических норм не декларируется»⁸. По оценкам «Дома свободы» в девяностые годы во многих странах было зарегистрировано падение показателей свободы. Две тенденции – продолжающийся рост электоральной демократии при застое в развитии демократии либеральной – свидетельствовали о все более поверхностном характере демократизации. На протяжении 1990-х годов пропасть между электоральной и либеральной демократией постоянно расширялась. Доля «свободных» государств среди всех имеющихся в мире демократий сократилась с 85% в 1990 г. до 60% в 2004. В 90-е годы в наиболее важных и влиятельных молодых демократиях «третьей волны», в т.ч. в России, Турции, Бразилии, Пакистане, качество демократии (измеряемое объемом политических прав и гражданских свобод) заметно упало, и одновременно рухнули надежды на казавшийся весьма близким переход к демократии самой населенной африканской страны – Нигерии. В тот же самый период произошло вырождение политической свободы в ряде давно сложившихся демократий развивающегося мира, в частности в Индии, Шри Ланке, Колумбии и Венесуэле. В 1999 г. сразу в 6 государствах (Пакистан, Венесуэла, Гондурас, Никарагуа, Эритрея, Малави) произошел отход от демократии. С 2000 по 2002 год в ми-

⁸ Иноземцев В.Л. «Несвободные от будущего»: Рецензия на книгу Ф. Закария «Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами» // Россия в глобальной политике. 2003. №3. С. 212.

ре стало на 4 «свободных страны» больше, однако при этом налицо симптомы не только стабилизации «частично свободных» стран в их гибридном состоянии, но и превращения формально существующих там демократических практик в фасад, за которым скрываются новые разновидности авторитарного правления и воспроизводства власти, что дает основание говорить о затухании третьей волны демократизации⁹. Исследователи отмечают, что «фактически лишь 10 – 15 стран (такие, например, как Чехия, Венгрия, Словения) могут похвастать своими демократическими достижениями. Еще 5 – 10 стран медленно, но целенаправленно движутся в сторону демократии. Остальные застыли в позиции «субдемократий» (полуавторитарных режимов) с различными оттенками: «управляемая», «фасадная», «формальная», «неполная», «частичная», «нелиберальная», «слабая», «виртуальная» и т.д.»¹⁰.

Во всех этих «субдемократиях» интересы граждан представлены слабо, их политическая активность незначительна и практически ограничивается участием в выборах, легитимность которых часто сомнительна. Доверие граждан к государственным институтам довольно низко, а само государство страдает перманентной функциональной неэффективностью. Такие режимы сложились в большинстве республик постсоветского пространства, в ряде стран Ближнего Востока, Магриба, Латинской Америки и Африки.

Процессы глобализации, иные аспекты которых выступили как позитивные факторы политической демократизации развивающихся стран, во многом оказывают негативное влияние на демократическое развитие в этих регионах. Это связано в первую очередь с преобладанием неолиберального варианта трансформации, который утвердился в начале 90-х почти во всех этих странах. «В 80-е годы антиэтатистская составляющая неолиберализма существенно способствовала ослаблению авторитаризма в обществах «не-

⁹ См.: Даймонд Л. Прошла ли третья волна демократизации? // ПОЛИС. 1999. № 1; Загладин Н.В. Проблемы демократии в современной политической мысли США. М., 2001. С. 174-175; Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004; Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003. С. 133; Глобализация. Модернизация. Россия. Круглый стол // ПОЛИС. 2003. № 1. С. 38.

¹⁰ Зуев А.Г., Мясникова Л.А. Глобализация: аспекты, о которых мало говорят // МЭ и МО. 2004. №8. С. 58.

Запада». Однако затем там, где вчера правил бал диктат национального государства, та же неолиберальная доминанта утверждает диктат мирового рынка. Между тем демократических колоний не бывает. Невозможность реального воздействия национального большинства на акторов мирового рынка придает глубинно антидемократический характер неолиберальным тенденциям и структурам, «пожирая» в ситуации демобилизованности масс и слабостей гражданского общества реальное «пространство» за фасадами «формальных демократий», – пишет К.Л. Майданик. – Отсюда постоянная политическая сверхзадача – добиться совместимости, мирного сосуществования исключаящей социальной политики и делегирования реальных функций управления мировому рынку – с сохранением видимости демократических норм и институтов»¹¹.

В целом такая ситуация характерна и для западных стран: общими проблемами является упадок роли парламентов, политических партий, профсоюзов, гражданского общества в целом, настроения фрустрации, индифферентности, «асолидарности» в массах. Но не меньшее значение имеют и дополнительные слабости процесса демократизации в незападных обществах: непреодоленное авторитарное прошлое, отсутствие традиций и институтов, укоренившихся на Западе в последние 100 – 150 лет; бедность большинства населения, граничащая с нищетой; гораздо большая трудность проблемы совмещения социального исключения и политической интеграции, особенно в ситуации форсированной модернизации (безработица) и неравномерности развития; полная отстраненность населения от принятия решений на мировом уровне (в отличие от избирателей стран «большой семерки»).

Таким образом, связь между процессами глобализации и демократизации, как минимум, не линейна. Глобализация способствует делегитимации авторитарных режимов, установлению демократических институтов в странах периферии и полупериферии, в условиях возрастающего динамизма всех экономических и социальных процессов достаточно гибкое реагирование политической сферы на новые «вызовы» и, следовательно, упорядочение сменяемости власти становится необходимым условием выживания современных

¹¹ Майданик К.Л. Ловушки периферийной демократизации // Политические институты на рубеже тысячелетий. М., 2001. С. 391.

обществ. Вместе с тем аспекты, связанные с реализацией ее неолиберальной версии, создают как препятствия для процессов консолидации демократии в развивающихся странах, так и кризисные явления в демократическом развитии стран Запада. Кроме того, негативные явления, сопровождающие современную глобализацию, – финансовая нестабильность, новые мировые угрозы, социально-экономическая поляризация, культурно-цивилизационный раскол – создают неблагоприятные условия для функционирования и развития демократии во всем мире.

И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнова

Проблема познания угрозы в теориях международных отношений*

Угроза как объект научного анализа объединяет три основные школы в теории международных отношений: реализм, либерализм и конструктивизм.

Теории *реализма и либерализма* разделяют общий тезис о том, что действия государства воспринимаются одинаково всеми участниками международных отношений. Это происходит благодаря тому, что государство обладает репутацией, которая приобретается им в результате демонстрации «информативного поведения». Принимая во внимание сказанное, с точки зрения теорий реализма и либерализма, конструирование субъектом суждений о наличии угрозы будет осуществляться, в том числе, на основе *наблюдаемых, объективных* характеристик государства.

Согласно теории *реализма*, одной из таких характеристик является *сила, могущество государства*. Таким образом, для того чтобы оценить угрозу, достаточно выявить наиболее могущественные государства.

* Статья подготовлена в рамках выполнения работ по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК 4221.2006.6.

Однако реализовать на практике подобную довольно логичную и обоснованную в теории формулу познания угрозы достаточно проблематично. Сама по себе категория «могущество» выглядит весьма неопределенно с точки зрения ее операционализации: в чем на практике проявляется могущество? Например, Н. Алкок и А. Ньюкомб на основе проведенного исследования делают вывод, что воспринятый уровень могущества зависит как от величины *валового национального продукта*, так и от *уровня военных расходов*, если государства не воевали друг с другом в последние годы. Однако если государства находятся в состоянии войны, воспринятый уровень могущества определяется показателем военных расходов¹. Как показывает практика современной мировой политики, приведенный пример операционализации могущества не позволяет достаточно точно определить расстановку сил на международной арене. Феномен асимметричной угрозы – тому подтверждение. Таким образом, предложенные критерии определения могущества государства приводят к довольно противоречивым результатам, и, опираясь только на объективные характеристики положения государства в международной системе, представляется затруднительным понять, как акторы формулируют суждение о наличии угрозы.

Представители теории *либерализма* в международных отношениях рассматривают проблему угроз сквозь призму существования международных *институтов, норм и правил*. Например, Р. Коген, проанализировав ряд ситуаций восприятия угрозы разными государствами, сделал вывод, что во всех случаях в качестве релевантных показателей угрозы выступали «злоупотребление доверием или совершение противозаконных действий – нарушение <...> правил игры, которые управляют отношениями между странами»². Полученные результаты позволили ученому высказать предположение, что суть процесса познания угрозы в международных отношениях есть «антиципация, предвидение будущего»³, а точнее, – предвосхищение возможных потерь в будущем, возникновение которых обусловлено нарушением другим государством норм, пра-

¹ Alcock N.Z., Newcombe A.G. The Perception of National Power // The Journal of Conflict Resolution, 1970. Vol. 14, № 3. P. 342.

² Cohen R. Threat Perception in International Crisis // Political Science Quarterly, 1978. Vol. 93, № 1. P. 100.

³ Ibid. P. 101.

вил и договоренностей, регламентирующих отношения в данной конкретной сфере.

Однако данный вывод не всегда встречает поддержку в практике международных отношений. Так, Г. Чафетц, анализируя политику США и других демократических государств в области поддержания режима нераспространения ядерного оружия, находит многочисленные примеры рассогласований в оценках угроз данному режиму со стороны различных государств. Например, США вводили в отношении Китая санкции за продажу Пакистану запрещенных для распространения технологий, но не приняли аналогичные меры в отношении европейских фирм, которые способствовали развитию ядерной программы как данного, так и ряда других государства. Фактически в обоих случаях имело место нарушение установленных норм и правил, однако как источник угроз оценивались только действия Китая. Различия в оценках угрозы демонстрируют, что связь «нарушение норм – угроза» опосредована другими переменными. Г. Чафетц делает вывод, что в качестве такой переменной выступает «самоидентификация группы либеральных государств»⁴, которая искажает восприятие угрозы.

Фактически исследователь указывает на необходимость изучения характеристик *субъекта познания* в качестве самостоятельных факторов, оказывающих влияние на конструировании суждений о существовании угрозы. Решение данной задачи было предпринято в исследованиях, выполненных с позиций теории реализма. В качестве примера можно привести «теорию ошибок» Р. Швеллера⁵. Наряду с расширением перечня объективных характеристик государств, оказывающих влияние на формулировку вывода о существовании угрозы, автор рассматривает и фактор *восприятия*. Вместе с тем представители теории реализма не ставили перед собой задачу раскрыть механизмы влияния характеристик самого субъекта на познание угрозы, которая продолжала рассматриваться в качестве элемента объективной реальности.

Значительный вклад в изучение проблемы влияния характеристик субъекта на познание угрозы внесли исследования, выполнен-

⁴ Chafetz G. The Political Psychology of Nuclear Nonproliferation Regime // The Journal of Politics, 1995. Vol. 57, № 3. P. 743.

⁵ Schweller R.L. Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power. Princeton: Princeton University Press, 2006. P. 10/

ные в русле теории *конструктивизма*. С точки зрения данной теории познание угрозы непосредственно связано с особенностями *идентичности* государств, осуществляющих взаимодействие в данной конкретной ситуации. В работах А. Вендта идентичность государства определяется как «...относительно стабильные, основанные на ролях, ожидания актора относительно самого себя»⁶.

А. Вендт отмечает, что поведение государств на международной арене зависит от того, кем воспринимает себя субъект: врагом или другом «другого». С одной стороны, идентичность государства может быть коллективной. В данном случае государства относятся друг к другу с уважением, а решения принимаются на условиях компромисса. С другой стороны, идентичность может быть эгоистической, и тогда «другие» рассматриваются в качестве объектов манипуляции с целью реализации государством собственных интересов. Таким образом, уменьшению или даже полному устранению чувства воспринятой угрозы будет способствовать создание *разделяемой идентичности*, когда государства воспринимают друг друга в качестве «МЫ»⁷.

Теория социального конструктивизма позволяет также сформулировать ряд принципов, в соответствии с которыми осуществляется познание угрозы в международных отношениях. Угроза представляет собой *социальный конструкт*, а ее восприятия – процесс *социального познания*. Социальный характер процессов познания обусловлен, во-первых, *происхождением знаний* государства о самом себе и других участниках международных отношений. Знания формируются в ходе взаимодействия государств на международной арене, решающая роль в котором принадлежит процессу коммуникации. Во-вторых, познание является социальным, поскольку оно имеет дело с *социальными объектами* – государствами и взаимоотношениями между ними. В-третьих, познание угрозы неразрывно сопряжено с приданием *значения* наблюдаемым событиям и действиям других государств с учетом особенностей *идентичности* данных государств. В результате эти действия или события обретают реальность как представляющие угрозу.

⁶ Wendt A. Social Theory of International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 198.

⁷ Rousseau D.L. Identifying Threats and Threatening Identities: The Social Construction of Realism and Liberalism. Stanford: Stanford University Press, 2006.

Понимание угрозы как социального конструкта позволяет преодолеть ряд ограничений теорий реализма и либерализма и рассмотреть угрозу и процесс ее познания, принимая во внимание как характеристики объективной действительности, так и влияние субъекта познания.

И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнова

Россия в «Группе восьми»: основные направления исследования*

Председательство России в «Большой восьмерке» в 2006 г. и проведение саммита в Санкт-Петербурге некоторые эксперты рассматривают в качестве «лейтмотива всей российской внешней политики»¹. В данной статье мы не ставим задачу проанализировать политические и экономические итоги данных событий. Вместе с тем, нельзя не отметить, что само по себе существование подобного неофициального форума лидеров ведущих промышленно развитых демократических стран, членом которого является Россия, представляет собой самостоятельный объект для научных исследований. Особый интерес вызывает изучение *процессов и отношений*, возникающих между государствами-участниками «Группы восьми», особенности которых обусловлены *социальным статусом* данного форума.

Ключевая особенность «Группы восьми» заключается в том, что она «не является международной организацией»². Зачастую для характеристики отношений между странами-участницами «восьмерки» применяется понятие «*клуб*»³.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-03-02016а).

¹ Лукьянов Ф. Российский сезон // Россия в глобальной политике, 2006. Том 4. № 3. Май-Июнь. С. 5.

² Официальный сайт Председательства России в «Группе восьми» в 2006 году – <http://g8russia.ru>.

³ Луков В. Россия в «Большой восьмерке»: из гостей – в председатели // Россия в глобальной политике, 2006. Том 4. № 3. Май-Июнь. С. 8.

Что означает подобный статус группы? Во-первых, клуб, как правило, объединяет людей, связанных *общими интересами*. В частности, основная функция «Группы восьми» заключается в «...совместном урегулировании ряда ключевых процессов в международной политике, в финансово-экономической сфере, а также в сфере глобальных и транснациональных проблем экологического, социального и гуманитарного характера»⁴. Во-вторых, принадлежность к подобной относительно закрытой группе требует *соблюдения определенных правил и норм*, которые могут не иметь характера юридически обязывающих, но действие в соответствии с которыми является залогом членства в клубе. Так, решения в рамках «Группы восьми» принимаются на основе *консенсуса* и распространяются, прежде всего, на ее членов. В-третьих, членство в клубе, как правило, предполагает его относительную *закрытость* для вхождения новых членов. Перечисленные особенности позволяют сделать вывод о том, что в основе отношений членов группы, организованной по принципу «клуба», лежит конструирование *мы-идентичности*, на основе общности интересов, с одной стороны, и разделяемых ценностей – с другой стороны.

Подобный социальный статус «Группы восьми» является одним из факторов, который определяет отношения России с данным международным форумом. Советский Союз, несмотря на свой весомый военный и экономический статус в мире, не входил в число членов «Группы семи». Начиная с 1992 г. Россия обретает «гостевой статус» на саммитах «семерки». В ходе встреч лидеров государств обсуждаются вопросы проведения реформ в нашей стране, вырабатываются рекомендации по развитию российской экономики. В 1994 г. «Группа семи» трансформируется в политическую «восьмерку» («семерка» плюс 1), и Россия получает возможность участвовать в обсуждении широкого круга вопросов. С 1997 г. все документы принимаются «восьмеркой», а с 2006 г. Россия включается в ротационный цикл председательства в «Группе восьми»⁵. Таким образом, сближение России с «восьмеркой» осуществлялось последовательно, шаг за шагом.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Луков В. Россия в «Большой восьмерке»: из гостей – в председатели. С. 14.

Вместе с тем вступление нашего государства в «Группу восьми» сопровождалось довольно противоречивыми оценками. С одной стороны, окончательное оформление «восьмерки» в 1997 году расценивалось политическими лидерами России в качестве одного из инструментов позитивного воздействия на мировые события. В частности, президент РФ Б.Н. Ельцин отмечал, что «восьмерка» – это «ценнейший для нас механизм неформальной «сверки часов» по глобальным проблемам между ведущими политическими и экономическими державами»⁶. С другой стороны, высказывались замечания о символическом членстве России в «восьмерке», в том числе по причине финансово-экономической слабости России. Сохраняется мнение, что вступление России в «Группу восьми» стало своего рода авансом администрации Б. Клинтона в счет продолжающихся экономических и политических реформ в нашей стране. В 2005 г. некоторые американские сенаторы выступали с предложением приостановить членство России в «Большой восьмерке», пока в нашей стране не будут гарантированы политические свободы.

Мы не беремся оценивать обоснованность подобных суждений и инициатив, тем более что значение имеет, скорее, сам факт их появления, а также – их содержание. Противоречивые оценки членства нашей страны в «Группе восьми» могут свидетельствовать о *расхождении имиджа России*, конструируемого российским политическим руководством, и *образа* нашей страны у других государств-членов «восьмерки». Фактически в отношениях между Россией и другими государствами «Большой восьмерки» пока еще не сложилась мы-идентичность, которая разделялась бы всеми членами данной группы и основывалась на общих ценностях и интересах.

Проблема рассогласования имиджа и образа страны обуславливает не только постановку актуальных политических задач, но и требует научного решения ряда проблем, возникающих при изучении *процессов социального познания на межгосударственном уровне*. Традиционно в отечественной науке познавательные процессы рассматриваются в контексте *деятельности*, осуществляе-

⁶ Ельцин Б.Н. Место и роль России в период формирующегося многополярного мира // Международная жизнь, 1998, № 6. С. 5.

мой субъектом. Мы уже коснулись особенностей взаимоотношений государств в «Группе восьми», обусловленных ее статусом в качестве клуба. Рассмотрим еще три.

Во-первых, «восьмерка» представляет собой форум *государственных лидеров*. Данная особенность отношений между членами «восьмерки» обуславливает постановку ряда проблем в области познания государствами друг друга. Прежде всего это *проблема уровня анализа*. С одной стороны, непосредственные взаимоотношения устанавливаются между конкретными людьми – лидерами стран-участниц. С другой стороны, каждый из них представляет на форумах «восьмерки» нацию, государство – группу. В результате возникает вопрос о том, лидер или группа будут выступать в качестве субъекта и объекта познания? Если познавательный процесс разворачивается сразу на разных уровнях, как они взаимодействуют между собой? Кроме того, если имеет место процесс межгруппового восприятия, каковы его основные механизмы? Каковы детерминанты построения именно данного образа государства?

Во-вторых, отдельную задачу деятельности государств «Группы восьми» составляет выявление *общих интересов* и согласование подходов по их реализации. С точки зрения теории социального конструктивизма, интересы должны выводиться из идентичности, в том смысле, что «...идентичность субъекта включает в себя его интересы»⁷. Принимая во внимание сказанное, определение того, является ли субъект союзником или оппонентом в той или иной сфере, непосредственно сопряжено с познанием его идентичности. Сказанное обуславливает постановку следующих вопросов: Какие характеристик идентичности государств способствуют осознанию общих интересов и согласованных подходов к разрешению проблем? Справедливо ли утверждение о том, что совпадающие идентичности являются необходимым основанием для сотрудничества государств?

В-третьих, «Группа восьми» переживает период трансформаций, который связан с вхождением в клуб России как нового члена. Появление нового члена группы неизбежно сопряжено с проблемой трансформации существующих образов «Я» как нового, так и

⁷ Hopf T. Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Politics, Moscow, 1955 and 1999. N.Y. Cornell University Press, 2002. P. 16.

традиционных участников клуба. В данном случае возникают вопросы: Каковы механизмы изменения представлений государства о самом себе? Какие факторы определяют данный процесс? Как особенности самовосприятия нового члена группы влияют на выработку общей идентичности?

По нашему мнению, перечень обозначенных и других вопросов может определять программу теоретического и эмпирического изучения процессов социального познания, возникающих между Россией и другими членами «восьмерки», а также государствами-участниками «Группы восьми» в целом.

В.И. Корнилов

Социальная политика как условие функционирования рыночной экономики

Практика функционирования рыночной экономики свидетельствует о том, что она сама по себе не гарантирует необходимый минимальный уровень благосостояния людей, на который они имеют полное право как граждане своей страны. Между прочим, весь XIX век и начало XX столетия как в России, так и в Европе, где рыночная экономика сложилась в масштабе отдельно взятых государств, прошли в ожесточенной борьбе между наемным работником (трудом) и предпринимателем (капиталом) за приоритет в распределении созданного продукта и особенно прибавочной стоимости. Особенно жесткое противостояние произошло в дореволюционной России, что привело за довольно короткий в историческом аспекте период времени (1900 – 1922 гг.) к трем революциям и гражданской войне. После этого российская экономика в 1922 г. стала давать продукции 3% к уровню 1913 г., и ее потенциал был отброшен к временам Петра I. Такой тяжелой оказалась цена за нежелание своевременно решать социальные вопросы.

В экономической научной литературе за рассматриваемый период (XIX – начало XX в.) шла не менее острая дискуссия по вопросу распределения. Например, французский ученый-экономист Ж. Сэй на основе своей теории трех факторов производства при-

шел к выводу, что каждый из владельцев факторов производства, участвуя в производстве, имеет право на получение дохода адекватно его вкладу. К. Маркс, наоборот, исходя из своей теории трудовой стоимости, считал, что весь прибавочный продукт должен принадлежать человеку труда. Только таким образом будут решены социальные проблемы рабочего класса и созданы предпосылки для высокопроизводительного труда. И решение этой задачи он увязывал не только с политической, но и социальной революцией, т.е. заменой власти капитала на власть труда. Реализация этого пути в нашей стране наглядно продемонстрировала, что он оказался не таким эффективным с точки зрения сохранения и дальнейшего развития производительных сил и народного хозяйства в целом.

Мировой экономический кризис в конце 20-х и начале 30-х гг. XX века, глубоко потрясший основы рыночной экономики, подвел к пониманию государственных деятелей и ученых-экономистов в необходимости осуществления широкомасштабной социальной политики. Ее проведение требовало значительных материальных ресурсов и реализации на долговременной, а не от случая к случаю благотворительной основе. Класс предпринимателей к этому был не готов и не способен на столь значительные расходы на социальные нужды в силу своих экономических интересов. Конечно, отдельно взятые предприниматели осознавали значимость социальных мер в решении экономических задач. Например, в дореволюционной России московские предприниматели Н. Прохоров и С. Морозов (младший) немало сделали для улучшения условий труда и быта своих рабочих (сокращение рабочего дня, организация воскресных школ для детей и садиков для малолеток, строительство жилья и т. д.). Но они, по признанию тогда видного ученого из Московского университета в области трудовых отношений И. Озерова, были своеобразными «белыми воронами» среди предпринимательского класса¹.

Решение социальных вопросов впоследствии стало «по плечу» государству. Не случайно до сих пор в качестве позитивных примеров решения социальных проблем без катаклизмов и потрясений для рыночной экономики приводятся меры по осуществлению со-

¹ Михеев В. А. Основы социального партнерства: теория и практика. М.: Экзамен, 2001. С. 57.

циальной политики американского президента Ф. Рузвельта, западногерманского канцлера Л. Эрхарда и шведского премьер-министра У. Пальме. Успех их деятельности – важнейшее доказательство признания социальной политики как необходимого условия эффективного функционирования рыночной экономики.

В нынешних условиях появилась еще одна причина желательности осуществления социальной политики. Социальные конфликты в стране, где имеется ядерное оружие и атомные электростанции, где функционируют для людей химически опасные заводы и т.д., – безумие, поскольку они могут поставить мир на грань катастрофы.

Все это предопределило переход к становлению и развитию современной рыночной экономики как экономики социально ориентированной, одним из важнейших направлений в ней являются «инвестиции в человека» на основе разработанной американскими учеными-экономистами Т. Шульцем и Г. Беккером «теории человеческого капитала». Они под «инвестициями в человека» понимали не только расходы на образование (общее и профессиональное), но и на здравоохранение, воспитание людей, культуру, т.е. на все то, что способствует воспроизводству рабочей силы как творчески действующего работника. По итогам подобной политики труженик выступает не только исполнителем воли менеджера, но и сам активно участвует в принятии решений и распределении доходов. По их мнению, рентабельность ассигнований в человеческий фактор превосходит рентабельность в физический капитал².

В соответствии с этим в 60-х – 70-х гг. в странах западной Европы принимаются законы, которые стимулировали предпринимателей к «инвестициям в человека» путем льготного налогообложения и кредитования их хозяйственной деятельности. В Японии разработана и принята к действию концепция «Об интеллектуализации народного хозяйства и развития способностей населения». Она направлена на развитие интеллектуального потенциала рабочей силы. Подобного рода меры проведены в США, Великобритании, Швеции и Франции.

² Осадчая И. Социальные институты и хозяйственный рост // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 1. С. 121.

Можно только сожалеть, что в ходе рыночных реформ наше государство в значительной степени растеряло многие наработки в этой области, имевшие место в советский период. В экономической литературе отмечается, какой масштаб ущерба «рыночные реформы» нанесли интеллектуальному капиталу страны. Например, затраты на науку в ВВП сократились с 3,5% в 80-х годах XX столетия до 0,5% в 2004 году. В Швеции этот показатель – 3,8%, в США – 2,4%, в Японии – 3%. «Утечка мозгов» нанесла урон российской экономике в 25 – 33 млрд. долл.³

Разработка и реализация национальных программ в области образования, здравоохранения, демографии свидетельствует о том, что руководство страны осознало необходимость капиталовложений в человека как одно из условий развития рыночной экономики. Однако величина средств, выделяемых на их осуществление, пока еще мала для того, чтобы сделать стране решительный рывок в сторону формирования социально ориентированной рыночной экономики.

Н.В. Кукина

Перспективы многопартийной системы в России

Функционирование института многопартийности – один из существенных признаков, показателей демократической природы государства, обеспечения политических прав его граждан. Существование многопартийной системы невозможно без развитых политической и избирательной систем с предоставлением гражданам прав политических субъектов, наличием соответствующей политической культуры и традиций в обществе. В этом отношении крайне важно понять характер становления современных политических партий в российском обществе, осмыслить тот политический, со-

³ Социальные источники экономического развития / Отв. ред. Ф.Э. Бурджалов. М.: ИМЭМО РАН, 2005. С. 59.

циальный и идеологический фон, на котором они зарождались в конце XX в.

К сожалению, политические партии в России – это ярко выраженные клиентеллы, поскольку все они базируются на харизме и политической деятельности своего лидера. Есть известный лидер – есть партия, нет лица – нет партии. В политологической литературе отмечается, что руководство партий свою политическую деятельность сосредотачивает на решении 3-5 наиболее значимых проблем государства, тогда как с точки зрения охвата социально-экономической и политической ситуации в стране необходимо давать свои предложения по 16 – 20 проблемам¹. Только в этом случае оно может претендовать на положение своей партии как серьезной политической силы.

Говоря о политических предпочтениях и симпатиях россиян, следует отметить, что к политикам у населения по-прежнему низкое доверие, а также имеются затруднения, особенно на региональном уровне, с выявлением лидеров местных отделений федеральных партий. Так, согласно социологическим исследованиям, проведенным кафедрой социально-политических теорий ЯрГУ в 2005 г. в Ярославской области, до 40% ярославцев² не испытывают симпатий ни к одной из политических партий и 10% затрудняются с ответом. Среди политических партий в Ярославской области по-прежнему пользуются известностью «Единая Россия», СПС, КПРФ, ЛДПР и «Яблоко». Наибольшее доверие у жителей области вызывают: партия единорогов – 33,2%, СПС – 29,2%, «Яблоко» – 15,4%, КПРФ – 11,2% и ЛДПР – 10,5%. При этом наибольшей антипатии и критики удостоились КПРФ (36,5%), ЛДПР (36,3%), СПС (13,9%), «Яблоко» (18,0%) и «Единая Россия» (10,8%). Членами той или иной партии назвали себя 0,4%. В среднем знают лидеров местных отделений федеральных партий 5-6%.

Итоги социологического исследования отдела стратегических и социально-политических исследований ИСПИ РАН подтверждают подобного рода отношение граждан к политическим партиям на российском уровне. Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что

¹ См.: Анисимова Т., Бурикова И. и др. Политические партии и политики России как объекты классификации // Власть. 2003. № 9. С. 31.

² Опрошено 545 человек.

**Динамика изменений отношения населения
к политическим и социальным институтам и структурам (% от
числа опрошенных, по годам)³**

Государственные и социальные институты	ДОВЕРЯЮТ									НЕ ДОВЕРЯЮТ								
	Янв-95	Янв-97	Дек-98	Ноя-99	Май-00	Дек-00	Дек-01	Дек-02	Окт-03	Янв-95	Янв-97	Дек-98	Ноя-99	Май-00	Дек-00	Дек-01	Дек-02	Окт-03
Президент РФ	9	17	6	4	41	43	49	44	57	74	73	85	88	39	42	35	36	28
Правительство РФ	8	14	11	18	20	23	23	18	20	69	72	66	60	48	57	53	57	55
Совет Федерации	7	10	8	14	13	9	15	10	13	60	65	67	54	52	60	51	53	52
Государственная Дума РФ	10	14	13	14	12	12	12	10	9	61	64	69	62	62	66	63	67	66
Администрация Президента РФ	---	9	3	3	14	10	16	15	19	---	74	83	82	57	59	57	50	49
Совет Безопасности	---	10	9	14	17	19	21	17	22	---	66	65	58	51	47	43	45	43
Милиция, суд, прокуратура	16	10	11	12	13	15	12	10	11	59	66	74	70	72	70	70	68	73
Армия	35	36	27	38	43	41	39	31	36	40	50	46	44	37	44	39	39	43
Профсоюзы	18	11	17	15	21	19	17	13	15	52	62	62	61	54	55	56	53	56
Церковь	---	33	33	26	35	28	33	33	36	---	48	39	48	41	46	38	38	36
Партии, политические движения	6	11	13	7	16	17	12	15	8	63	65	61	64	60	57	58	57	71
Руководители регионов	11	28	23	23	20	21	17	23	20	59	62	39	51	54	57	55	52	56
Средства массовой информации	21	20	18	12	17	16	12	17	17	53	60	62	66	59	63	66	56	60
Банковские, предпринимательские круги	6	8	5	5	8	11	10	11	12	65	74	78	78	70	70	68	58	63

в первую очередь связаны с действиями Президента РФ и его организационно-аппаратными структурами: Администрацией Президента РФ, Советом Безопасности. За прошедшие годы несколько вы-

³ См.: Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях нелиберальных трансформаций // Социс. 2004. № 7. С. 36.

росло доверие общества к деятельности банковских и предпринимательских образований. В отношениях общества к другим государственным и социальным институтам позитивной динамики не наблюдается. Осталось приблизительно на прежнем уровне доверие общества к Правительству РФ, Совету Федерации, церкви. Падает доверие к армии, профсоюзам, правоохранительным органам, партиям и политическим движениям.

Что касается партии власти «Единая Россия», которая должна представлять интересы подавляющего большинства населения России, следует отметить определенную ее дискредитацию в глазах социума. Население разочаровывается в «Единой России». Через год ее триумфальной победы на выборах в Государственную Думу РФ (декабрь 2003 г.), лишь 3% граждан страны одобряют ее деятельность, тогда как 52% недовольны ее деятельностью⁴. Согласно новому Закону «О политических партиях» от 11 июля 2001 года, предпринимаются усилия по укреплению многопартийной системы РФ: голосование по партийным спискам на всех уровнях (федеральном и региональном). С 2007 года на выборах в Государственную Думу РФ повышен (с 5 до 7%) проходной барьер для партий, что приведет к укрупнению политических организаций и будет способствовать участию в политике более солидных и компетентных политических сил.

С принятием нового Закона «О политических партиях» сделана попытка реформирования существующей многопартийной системы. Как известно, стабильная партийная система основывается на «трех фундаментах» – партия власти, официальная оппозиция и потенциальные союзники. Данную схему было решено перенести на российскую почву. Будет существовать ведущая политическая сила («Единая Россия» либо ее аналог), ее потенциальные сторонники – 2-3 мелкие партии либеральной направленности. Данный блок периодически будет генерировать новые идеи. Главный же соперник, официальная оппозиция, станет представлять левое направление, состоящее из коммунистов, социал-демократов и др. Наличие единого, сильного соперника будет создавать здоровую конкуренцию на политической арене.

⁴ Информация Фонда «Общественное мнение». Январь 2005 г. N=1900 чел., 44 субъекта страны // Независимая газета. 2005. 18 янв. С. 1.

Г.М. Нажмудинов, Т.Р. Гайнутдинов

Экспозиция события

“Но не заключается ли единственная цель этого доклада как раз в том, чтобы ввести в поле зрения само бытие как событие?”¹

Вопрос уже задан, он пущен в ход, подобно тому, как “пускают в ход” судебное разбирательство (и разбирательство действительно имело место: 19 января 1946 года после длительных и сложных переговоров учёный совет Фрайбургского университета принял решение уволить Хайдеггера на пенсию, с запретом на преподавание, отказать в пенсии университетского профессора и в повторном рассмотрении дела по прошествии определённого срока, а кроме того, просить ректора сообщить Хайдеггеру, что впредь на общественных мероприятиях университета, его, Хайдеггера, присутствие нежелательно). И даже если формулировка вопроса может показаться излишне абстрактной и непродуманной, именно в ней заявляет о себе предельная напряжённость мысли. В одном из комментариев к работе “Путь к языку” Хайдеггер по этому поводу говорит буквально следующее: “Сегодня, когда едва продуманное и полупродуманное сразу в той или иной форме гонят в печать, пусть многим покажется неправдоподобным, что автор уже более 25 лет применяет слово *событие* в своих рукописях для обозначения имеющейся здесь в виду вещи. Вещь эта, хотя сама по себе проста, остаётся трудной для мысли, прежде всего, потому, что мысль должна прежде отвыкнуть от привычки впадать во мнение, будто в качестве события здесь мыслится “бытие”. Событие – существенно другое, потому, что более богатое, чем всякое возможное метафи-

¹ Хайдеггер М. Время и бытие // Разговор на просёлочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества. М., 1991. С. 97. Доклад “Время и бытие”, из которого мы довольно своевольно и выдернули эту цитату, был прочитан Мартином Хайдеггером 31 января 1962 года во Фрайбургском университете.

зическое определение бытия. Наоборот, *бытие в свете своего сущностного происхождения позволяет мыслить себя из события*².

Разумеется, в этом комментарии Хайдеггер не ведёт лишь речи о том, чтобы прояснить некую всё ещё ущербную экспозицию³, так же как не ставит он перед собой задачи перевернуть порядок этой экспозиции (“мы отделались бы слишком дёшево, попытавшись укрыться в таком переворачивании”⁴). Речь идёт о другом, “существенно другом” – о том, чтобы исследовать возможности экспозиции события в отношении сокровенности онтологических причин, равно как и в отношении соразмерности социально-политических следствий. В этих словах комментария, отнесённых в конец статьи, вынесенных за её предел, как за границу смысла, Хайдеггер говорит нам о необходимости *мыслить бытие исходя из события*, что во всей своей буквальности означает “мыслить абсолютно и без остатка исходя из вместе как сущностного свойства того, чьё бытие – это не что иное, как одно-с-другим”⁵. Иначе говоря, Хайдеггер вплотную приближает нас к пониманию того, что бытие как такое выставляет себя посредством “вместе” и всякий раз лишь подобным образом. Именно “посредством вместе”, а не просто “в некотором в-месте”, поскольку само это “вместе”, что произносит себя в событии, уже не просто атрибут или черта композиции бытия, но условие экспозиции того, что оно есть и проговаривает себя в качестве “есть”.

Понятие “события”, по всей видимости, впервые возникло в исторической науке или, по крайней мере, именно там оно обрело свой научный статус. Историческая наука всегда рассматривала

² Хайдеггер М. *Время и бытие: статьи и выступления*. М., 1993. С. 426.

³ Жан-Люк Нанси в другом, напрямую никак не связанном с Хайдеггером, контексте замечает, что “существует многоликое и полиморфное понятие *экспозиции* в современной философии – у Хайдеггера, Батая, Левинаса, Фуко, Лакана, Деррида, Делёза. Я попытаюсь вновь его взять и поместить в основное “онтологическое” место” (Нанси Ж.-Л. *Сегодня*. // Ежегодник *Ad Marginem*’93. М., 1994. С. 149). В другой небольшой статье он определяет само событие в качестве “основного онтологического места”: “Событие – это не то, что имеет место, но явление места, появление пространства и времени как таковых, прочерчивание предела, его *экспозиция*” (Нанси Ж.-Л. *О событии* // *Философия Мартина Хайдеггера и современность*. М., 1991. С. 97).

⁴ Хайдеггер М. *Время и бытие* // *Разговор на просёлочной дороге*. С. 98.

⁵ Нанси Ж.-Л. *Бытие единичное множественное*. Минск, 2004. С. 63.

историю как некоторую последовательность событий. При этом само понятие “события” означало здесь нечто значимое, выходящее за рамки обыденного и поэтому сопричастное истории. Для историка событие является неким эмпирическим материалом, который он рассматривает через призму собственных исследовательских интенций. События – некоторые отметки истории, которые делят время и, даже более, делают это самое время историческим. “Событием” может быть, к примеру, война, реформа, революция, смена правителя и т. п. Одним словом, нечто, что изменяет “ход истории”, заставляет историю двигаться в другом направлении.

Однако и в исторической науке вплоть до XX века восприятие “события” оставалось чем-то, что существует на уровне непреложной интуиции. И лишь в двадцатом веке понятие “исторического события” становится предметом методологических размышлений. Сошлемся здесь на проработку эпистемологического содержания категории “события”, сделанную Полем Рикёром. В онтологическом смысле, пишет Рикёр, под историческим событием понимается то, что действительно произошло в прошлом. Историческое событие в этом отношении имеет статус абсолютного свойства прошлого, связанного с деятельностью живших людей. Но, кроме того, в качестве человеческого прошлого историческое событие несёт в себе содержание инаковости, абсолютного различия. Этому тройственному онтологическому допущению — абсолютное прошедшее, прошедшее человеческое действие, абсолютная инаковость — соответствует, по Рикёру, тройное эпистемологическое допущение: “Прежде всего, мы противопоставляем неповторимую единичность физического события или события человеческой жизни универсальности закона... Далее, мы противопоставляем практическую случайность логической или физической необходимости: событие – это то, что могло произойти по-другому. Наконец, инаковость находит свой эпистемологический эквивалент в понятии отклонения от всякой сконструированной модели или любого инварианта”⁶. Однако в конечном итоге, Рикёр, опираясь на позицию Р. Арона, приходит к выводу, что “абсолютное событие не может

⁶ Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. С. 115.

быть засвидетельствовано историческим дискурсом”⁷, имеющим дело исключительно с конструированием исторических событий. Историческое событие – это конструкт исторической науки, подобный факту в физических науках, с той лишь разницей, что факт есть некое производное совокупности данных наблюдений и экспериментов, а историческое событие – производное совокупности исторических источников.

К сходным с Рикёром выводам приходит Жиль Делёз. В совместно написанной с Феликсом Гваттари работе “Что такое философия?” он пишет следующее: “История улавливает в событии лишь то, как оно совершается в состояниях вещей или жизненном опыте; событие же в своём становлении, в своей собственной консистенции, в своём самополагании как концепта – неподвластно Истории”⁸. Всё дело в том, что история не способна уловить всей ткани событийности в собственном смысле слова. История рассматривает событие в его временной форме, и даже если событие имеет в истории своё место локализации, то это место никогда не становится географией или топографией этого события, скорее оно только помогает найти и опознать его в потоке истории. Философия же интересуется не только временностью события, но также его пространственностью. Именно поэтому о событии с полной ответственностью может говорить только философия. Причём философия, освободившаяся от позитивистских претензий. Событие не может функционировать в качестве объекта историографии, оно не функционально в принципе: событие концептуально и потому принадлежит философии. Описание события не похоже на описание функции, описание же события как функции ровным счётом ничего не даёт. Гораздо более продуктивным оказывается описание события в качестве концепта. Концептуальность события заключается прежде всего в том, что оно является “консистенцией философского мышления”, то есть оно как бы собирает на себя, стягивает социальное пространство и этим организует его сообщение. Проблематизация события как концепта и позволяет говорить об онтологическом статусе события, о событийной организации пространства социальных связей и при этом не упускать из виду особое время события (время,

⁷ Там же. С. 116.

⁸ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., 1998. С. 144.

которое никогда не совпадает с реальным, а тем более историческим временем). Всё дело в том, что событие, несмотря на то, что существует во времени, само, внутри себя, времени не имеет. Выделяясь из временного потока, событие только внешне занимает некоторый его промежуток; внутри же себя оно уже не принадлежит времени. Именно поэтому Делёз определяет событие как “невремя”, развёртывающееся во времени в качестве длительности. И в этом плане событие более созвучно месту и пространству, протяжённости различия; оно выступает формой опространствования бытия, его протяжённостью. Событие и есть протяжённость. Отсюда протяжное “со” события, сливающееся с эхом, в котором бытие отзывается событием, и этот неровный отклик не безволие звука, но своеволие места, чья протяжённость (совместность) в самом этом “со”.

Именно проблематика события начинает доминировать в современных социально-философских размышлениях, где ключевыми оказываются проблемы совместности, сообщества, суверенности, различия и проч. Об этом, в частности, пишет Жан-Люк Нанси, когда замечает, что “вопрос о бытии и смысле бытия стал вопросом о событии и бытии-вместе (смысле мира)”⁹. Впрочем, без труда можно было бы показать, что более или менее смутно эти проблемы присущи всей истории западной философии. Но лишь в последние десятилетия происходит становление “онтологии как социальности”, где “бытие есть вместе, оно есть в качестве со-самого бытия (со-бытие бытия), хотя бытие и не идентифицируется как таковое (как бытие бытия), но ставит себя, даётся или происходит, дис-позиционирует себя – делает событие, историю, мир – как своё собственное единичное множественное *вместе*”¹⁰. На наш взгляд, именно это “*вместе*” события в настоящий момент безотлагательно требует собственного высвобождения и артикуляции.

Конечно, как отмечает Жан-Люк Нанси, мы и сейчас “ещё далеки от того момента, когда онтология должна будет непосредственно и безотлагательно выступить в качестве принадлежащей сообществу, момента, когда бытие в соответствии со строжайшей логикой своего отступления и откладывания отступило бы в со-бытие

⁹ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. С. 64.

¹⁰ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. С. 68.

экзистенции”¹¹. Но в-месте с тем уже сейчас всё то, что в течение по крайней мере двадцати пяти столетий медленно, едва ощутимо, но от того ещё более неуклонно собиралось воедино под именем бытия (которое больше, чем имя, поскольку вбирает в себя любое имя), начинает менять своё место и своё пристанище, – или, скорее, только сейчас и обретает это пристанище, – и получает имя события. И это не просто перенос имени или его уплотнение, как если бы вещь обернули бумагой. Это нечто большее и вдобавок нечто совершенно иное. Это то, что меняет саму структуру именования, выстраивая её сообразно созвучию “со”. “Со” выражает то, что только и может быть высказано и что иначе называют “невыразимым”: оно выражает совместность бытия (бытие совместно, и за этим “со” нет иного места и нет иного бытия, кроме того, что вместе и в самом этом “вместе”: мы всегда уже совместно, в каждое мгновение и с самого первого мгновения события); а кроме этого, – но может ли нечто быть “кроме этого”? так что скорее уж “на кромке этого “со”, – сообщество обретает возможность вычертить в виде контура своё воздействие на поверхность социального тела.

¹¹ Нанси Ж.-Л. О Событии // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 91.

И.В. Попова, И.Ф. Албегова

К вопросу о методологии социологического исследования

Понятие «методология» образовано от греческих слов *methodos* – путь познания и *logos* – слово, мысль. Методология – учение о путях научного исследования. В широком смысле методология включает изложение основных принципов, онтологических предпосылок, подходов, методов, которые объясняют способы получения нового знания и его применения в социальной практике. В узком значении методология является описанием конкретных методов исследования: методов получения информации, ее анализа и интерпретации полученных данных.

Выделяют три уровня методологии: философская методология изучает наиболее общие законы человеческого познания; общенаучная методология, в которой рассматриваются принципиальные подходы и методы познания, встречающиеся во всех науках, и специально-научная методология, то есть методология конкретных наук, которая получила свое развитие в методике и технике научных исследований, характерных для конкретной научной дисциплины.

В случае социологического исследования речь идет о понимании инструментальных аспектов социологического исследования. Спецификой социологического исследования является то, что человек изучает человека. И создание инструмента, с помощью которого мы фиксируем нужную нам информацию, полностью зависит от того, кто проводит исследование. Отсюда остро стоит вопрос о процедурных возможностях социологического исследования, а также выделении его образцов и нормативов: методах сбора и анализа социологической информации, логике организации и интерпретации полученных данных.

Обозначенная специфика предполагает также рассмотрение норм исследовательских процедур с позиции их философского

обоснования, а методология, таким образом, включает в себя три важнейших составляющих:

- онтологическую, то есть представление о природе социальной реальности;
- эпистемологическую, включающую нормы и идеалы социологического исследования как научной процедуры;
- процедурную, содержащую способы достижения цели социологического исследования.

Итак, можно сказать, что методологическая база социологического исследования – это совокупность концепций социальной реальности, познавательных норм и правил исследования. Вне понимания природы социальной реальности невозможно подобрать методику и технику использования того или иного метода исследования. Тем более что в социологическом исследовании то, что считается достоинством качественной методологии, выступает недостатком методологии количественного исследования. Любая наука нуждается в методологии, но для социологии эта проблема более актуальна, чем для любой другой науки. По сути, изучение социальных процессов требует проверки результатов на адекватность реальной действительности, и при этом нет шаблона, с которым мы могли бы сверить полученный результат. Поэтому истинность объяснения социологией происходящих процессов не является очевидной. Интерпретация полученных результатов – субъективная точка зрения исследователя, которая во многом зависит от его мировоззрения, научных взглядов, приверженности к той или иной парадигме, научной эрудиции. Поэтому для оценки истинности полученных результатов особое значение имеет то, каким образом эти результаты были получены, насколько они валидны и надежны.

Для социологии методология – это прежде всего система принципов и способов организации исследования, а также рефлексия в их оценке. Связано это с такой особенностью социологического исследования, как создание научного инструментария самим исследователем. Для того чтобы построить валидную шкалу, необходимо понимание самой сути измеряемого социального явления, которое приходит не само по себе, например, из знания теории. Социология в этом плане отличается от других социальных наук своим плюралистическим подходом к изучению общества. Поэто-

му, кроме изучения и использования общецивилизационных тенденций и динамики развития современного общества, необходимо знание исторических и национальных особенностей его развития, менталитета и специфики современного состояния. Все это усиливает значение методологии в социологическом исследовании.

Социологическая методология как специальная область социологического знания начала формироваться в XX веке. В настоящее время **социологическая методология** – это учение о системе онтологических предпосылок, подходов, методов, объясняющих структуру социологического знания, способы его получения и применения. Это особый вид рефлексии по поводу сущности, назначения и возможностей научного социологического познания.

Например, О.И. Иванов выделяет семь основных разделов в структуре социологической методологии: онтологические и гносеологические основания и предпосылки социологического познания; принципы социологического познания; основные способы понимания и объяснения социальной действительности, т.е. основные парадигмы развития социологического знания; основные подходы и методы, используемые в социологическом познании; структура социологического знания, виды социологических знаний; логика социологических исследований, последовательность и взаимосвязь процедур получения социальных знаний и проблемы использования знаний в общественной практике¹.

Без методологического анализа невозможно понять, каким образом социология подходит к изучению такого сложного объекта, как человеческое общество. К числу видов методологического анализа относят: анализ онтологических представлений о социальной действительности; анализ принципов познания, главными из которых являются объективность и причинность; анализ подходов и методов, которые используются в практике социологического исследования.

Социология как наука есть не что иное, как одна из высших форм познания обществом самого себя. Поэтому выбор путей и методов самопознания общества определяется тем, в каком знании нуждается социум. Именно в условиях самоорганизующегося об-

¹ Иванов О.И. Методология социологии: учебно-методическое пособие. СПб., 2003. С. 7

щества возникает потребность в знании, ориентированном на описание реальных социальных явлений и процессов, в знании достаточно конкретном, доказательном, приближенном к реальной социальной практике. Используя разнообразные методы научного познания, социология осмысливает общественную жизнь как социальную реальность. Ориентированность на описание социальной жизни определяет ее категориальный аппарат, она стремится использовать такие понятия, которые поддаются фиксации и интерпретации. В основе любого социологического исследования лежат представления социолога о социальной действительности, которую он изучает. В рамках социологической науки сформировались два онтологических представления о социальной действительности: социологический реализм и социологический номинализм. Это две принципиальные ориентации, которые различаются методологическими подходами. Социологическому реализму соответствует методологический холизм – ориентация, которая исходит из признания приоритета целого над частью, а социологическому номинализму соответствует методологический индивидуализм.

Социологический реализм предполагает понимание общества как реальности особого рода, отличной от всех других видов реальности, и определяет социологизм как главную методологическую установку. В противоположность индивидуалистическим концепциям социологизм утверждал принцип специфичности и автономности социальной реальности. В методологическом плане для социологизма характерен принцип объективности научного подхода.

Таким образом, методология социологического исследования является важной составляющей изучения современного общества, в том числе российского.

Кризис идентичности в сознании российского общества: причины и основные тенденции

В последние годы в отечественной научной литературе все чаще поднимается вопрос о кризисе идентичности в российском обществе. Причем большинство исследователей, рассматривающих данную проблему, связывают изменения идентичности с глобальными процессами трансформации, затронувшими все сферы общества. В то же время на настоящий момент нет единого мнения относительно наблюдаемого явления. Во многом подобное положение объясняется новизной изучаемой проблемы и отсутствием фундаментальной научной базы, которая позволила бы с большей определенностью судить о происходящих в общественном сознании изменениях. Поэтому представляется важным проанализировать само понятие «кризисной идентичности» в свете наблюдаемых трансформационных процессов.

Понятие «идентичность» в настоящее время довольно широко используется не только в социологии, но и в философии, психологии, политической теории и других общественных науках. Причем зачастую это понятие рассматривается с разными значениями и в разных контекстах. В самом общем понимании под идентичностью подразумевают «осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, особенного и всеобщего. Главным характерным признаком и основанием понятия является тождественность самому себе»¹.

Разумеется, данное определение является слишком абстрактным для описания взаимоотношений индивида и группы (или общества в целом) и нуждается в уточнениях. На практике принятие человеком собственной идентичности осуществляется в три этапа: 1) социальная категоризация (стереотипизация), т.е. упорядочива-

¹ Цит. по: Смирнова А.Г., Киселев И.Ю. Идентичность в меняющемся мире. Ярославль, 2002. С. 7.

ние социального окружения в терминах группировки личностей способом, который имеет смысл для индивида; 2) социальная идентификация, т.е. процесс, посредством которого индивид помещает себя в ту или категорию; 3) социальная идентичность – полное социальное отождествление личности².

Фактически это означает то, как индивиды объединяются в группы. При этом процесс идентичности может утратить свой смысл, если не обеспечивает человеку ощущение тождества индивидуального я-образа и группового мы-образа. Проблема тождества и уникальности идентичности выражается в понятии социального габитуса. По определению П. Бурдьё, каждый индивид или группа занимают в обществе определенную позицию, для которой характерен соответствующий объем капитала: экономического, культурного, социального и символического. Причем символический и культурный капитал включают соответственно тот престиж, репутацию, признание, культурный багаж, которыми индивид или группа располагают в данном обществе.³ Как отмечал Н. Элиас, всякий отдельный человек, при всех его отличиях от других людей, несет на себе также отпечаток, общий для всех членов общества, к которому он принадлежит. Этот характерный склад и есть социальный габитус индивидов. Он образует ту «почву», на которой вырастают те личные признаки, благодаря которым отдельный человек отличается от других членов своего общества. Таким образом, проблема национального характера – это проблема социального габитуса⁴.

В сегодняшних условиях необходимо помнить, что классики социологии и психологии трактуют социальную идентичность с позиций освоения индивидом ценностей и норм в относительно стабильном социуме. Социальные идентификации в этом случае подвержены прямому воздействию определенной нормативной, институциональной системы (процессам социального расслоения и др.). В современных высокодинамичных обществах упомянутые детерминанты социальной идентификации, конечно, сохраняются.

² Андреева Г.М. Психология социального познания: Учебное пособие для студентов вузов. М., 2000. С. 184.

³ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 48-58.

⁴ См.: Смирнова А.Г., Киселев И.Ю. Идентичность в меняющемся мире. С. 12.

Вместе с тем, их воздействие утрачивает свойства стабильно структурированной системы, как утрачивают прежнюю определенность образы социального пространства. Люди оказываются в ситуации непростого поиска ответов на вопросы «Кто я?», «Кто мы?» и «Кто они?».⁵ Именно неспособность человеческой психики мгновенно адаптироваться к происходящим в обществе изменениям и порождает феномен, получивший название «кризиса социальной идентичности». Кризис социальной идентичности россиян принято считать следствием радикального реформирования общества и его базисных институтов, результатом «культурной травмы» (П. Штомпка). Этим понятием обозначается состояние сознания населения посткоммунистических стран, особенно характерное для первого этапа коренных преобразований в политике и других сферах общественной жизни. Р. Дарендорф подчеркивал, что состояние «пост» содержит в себе противоборство двух тенденций – давление прошлого и, напротив, его публичное отрицание⁶.

С точки зрения П. Штомпки, культурная травма связана с негативными последствиями быстрых социальных изменений и их коллективным осознанием. Он трактует культурную травму как столкновение исконных ценностей социума с «чужим», чуждым, враждебным. Придавая заимствованному из психиатрии понятию «травма» социальный смысл, Штомпка подчеркивает способность социального агента через осознание справиться с негативными переменами, и – реагируя на них – сформировать коллективные стратегии их преодоления.⁷ Социум может поразить биологическо-демографическая травма (эпидемия, голод, резкий рост смертности, падение рождаемости и т.п.), социально-политическая травма (анархия, крах рынка, революция, смена политического режима) и культурная травма (падение основополагающих ценностей и поведенческих моделей). Причем наиболее опасной Штомпка считает культурную травму, обладающую «самой сильной инерцией»⁸. Именно с социально-политической и культурной травмами пришлось столкнуться российскому обществу.

⁵ Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социс. 2004. № 2. С. 27.

⁶ Там же. С. 28.

⁷ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1-2.

⁸ Штомпка П. Социальное изменение как травма. № 1. С. 9.

Неустойчивое, лабильное состояние социальной идентичности становится нормой большинства современных обществ. Специфика России заключается в том, что она переживает «спрессованный исторический период», когда драматические внутренние трансформации сопряжены с быстрыми и фундаментальными изменениями в миросистеме. В динамичном мире принципиально невозможна стабильная социальная идентичность. И тогда то, что мы называем «кризисом идентичности», выступает как нормальное состояние индивидов, принуждаемых объективными условиями перманентных социальных изменений «отслеживать» (рефлектировать) свои ориентации в пространстве «Мы – Они» – в своем социальном самоопределении и общественном статусе⁹.

Трансформации гражданской идентичности – процесс особенно сложный. Идентичность «советского человека» была надэтнической и утверждала становление новой исторической общности «советский народ». Кризис идентичности часто связывают с распадом Советского Союза: в один момент люди превратились из советских граждан в граждан нового российского государства. Становление новой идентичности происходит небезболезненно, немалая доля россиян до сих пор переживает травму распада СССР. Около половины населения даже в поздние 1990-е годы отмечала: «Мы – это советские люди». Драматизм утраты великого, по сути имперского, государства во многом объясняет трудности формирования собственно российской гражданской идентификации. Однако само название "россияне" кажется мало приемлемым как для правящих элит национальных субъектов Российской Федерации, так и для русских этнонационалистов. Поэтому вопрос о гражданской и государственной идентичности для большинства населения до сих пор остается открытым.

⁹ Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социс. 2004. № 2. С. 27.

Л.Д. Руденко

Теории урбанизации в изучении региональной динамики

В западной социологии в качестве одной из основных концепций, в рамках которых осуществляется изучение фундаментальных причин развития городской системы, выступают неомарксистские теории (Д. Хэрвей, М. Кастельс). В основе данных теорий содержится анализ процессов функционирования капитала в городах, а также городского «коллективного потребления» как основы воспроизводственных процессов при капитализме. В рамках названного подхода активно разрабатывался тезис о том, что городское планирование преследует цель создать городскую среду, максимально благоприятную для извлечения прибыли, а развитие городской инфраструктуры жизненно необходимо прежде всего для частного капитала. Таким образом, фокус исследовательского интереса находится в экономическом ракурсе изучения города.

В 1990-х гг. становится популярным подход к изучению городского развития с точки зрения социопространственной перспективы (М. Готдинер, Д. Фегин). В числе его основных идей следует отметить особое внимание к процессам развития недвижимости, не только в стоимостном отношении, но и с точки зрения собственно городской морфологии. Развитие города требует гигантских вложений в поддержание коммуникаций и городского ландшафта, в свою очередь, развитость инфраструктуры и привлекательный образ содействуют более успешному городскому росту.

Данные концепции, на наш взгляд, имеют слишком много ограничений для применения в исследовании развития российских городов, т.к. их эволюция сильно отличается от аналогичного процесса на западе. До недавнего времени ключевые процессы городской динамики в России носили жестко управляемый характер, в результате чего города утратили «естественность» своего развития. К тому же для российских городов была свойственна искусствен-

ность экономики, максимальная ее зависимость от государства. В силу данных обстоятельств в отечественной науке редко можно встретить работы, содержащие анализ фундаментальных причин развития городской системы в советскую эпоху.

Социально-экономическая трансформация в конце XX в. привела к коренным изменениям в развитии отечественных городов. Именно с этого времени города начинают развиваться на основании естественных законов. Идет медленный процесс накопления эмпирических материалов для научного обобщения. В условиях влияния новых экономических отношений на развитие города изучение городских систем в скором будущем должно будет строиться на концепциях западной социологии.

Несмотря на то, что в отечественной науке пока не сформирована единая концептуальная схема изучения города, российскими урбанистами накоплен большой и интересный материал о структуре города и его отдельных подсистемах, динамических процессах, происходящих в городах, об отдельных феноменах городской жизни.

Долгое время в отечественной науке в качестве основной концепции изучения городской динамики выступал экологический подход (О.Н. Яницкий, В.Л. Глазычев). Соответственно исследователи обращали внимание прежде всего на способы и принципы организации человеком окружающей среды, его способности организовывать пространство в соответствии с закономерностями окружающей среды. Экологический подход рассматривал город как ареал взаимодействия антропогенных и природных элементов среды обитания человека, что оказалось довольно перспективным в методологическом плане. Вместе с тем в рамках данного подхода слабо изучены влияние процессов индустриализации и, как ее следствие, массовых сельских миграций на развитие городской системы, а также специфика городской среды обитания с особым городским образом жизни.

Таким образом, среди наиболее дискуссионных тем урбанистики остаются вопросы, связанные с факторами и тенденциями изменения городской системы. На наш взгляд, наиболее перспективными для разработки модели эволюции городской системы являются эволюционные теории урбанизации и частично – теории структурирования городского пространства.

Согласно базовому положению эволюционных теорий урбанизации, она обладает универсальными стадийными схемами. Первым закономерности пространственной эволюции, основанные на эффекте пульсации и цикличности развития расселения, изучил в 1963 г. Дж. Джиббс. Анализируя доступную для него информацию, он выделил пять универсальных стадий урбанизации. В 1990-е гг. появляется еще ряд теорий, развивших представления о стадийности эволюции расселения. В частности это концепция дифференциальной урбанизации (Ричардсон, Филдинг и др.), в рамках которой процессы урбанизации представляются в виде своеобразных пульсаций: стадия концентрации населения сменяется стадией деконцентрации, и далее они чередуют друг друга, дифференцируя миграционные потоки и региональную динамику. Эти теории, на наш взгляд, вполне приложимы в качестве инструмента изучения становления городской системы в Ярославском регионе, т.к. этому процессу свойственна цикличность и стадийность.

Причем методически концепции дополняют друг друга: теория дифференциальной урбанизации позволяет более подробно описать высшую стадию урбанизации – урбанизационный переход. Периодизация Дж. Джиббса дает нам возможность комплексно подойти к характеристике урбанизации, начиная с ранних ее шагов. Характеристику стадий урбанизационного перехода необходимо дополнить данными о направлении и динамике миграций, обращая повышенное внимание на соотношение маятниковых перемещений и постоянных миграций из села в город. С учетом стадийных параметров, соотношения балансов миграции или индексов динамики населения на материалах Ярославской области можно построить модель эволюции городской системы.

Каждой из универсальных стадий присущи свои соотношения балансов миграций или индексов динамики населения трех категорий центров: главных городов, средних и малых (городов или всех поселений). Шесть универсальных стадий в свою очередь формируют эпохи: урбанизации, реверсии, контрурбанизации.

На наш взгляд, для области на современном этапе характерна незавершенность урбанизации, которая проявляется в замедленном распространении городских форм и условий жизни на сельские поселения. Ярославскую область почти не затронули процессы урбанизации, сопровождающейся миграцией городского населения в

сельскую местность, переносом в нее форм хозяйственной деятельности, характерных для городов. Продолжающаяся сегодня депопуляция сельской местности деформирует типичные формы и структуры расселения: миграционный отток в города сопровождается изменением сети сельских поселений региона и даже их исчезновением в его северо-восточной части. В разной степени депопуляция затрагивает и малые, средние и крупные сельские поселения.

Тем не менее урбанизация как средство рационального территориального устройства Ярославской области необходима. Однако, если раньше урбанизация без затруднений удовлетворяла свои потребности в людских ресурсах, поскольку в России существовал демографический достаток, то в настоящее время регион испытывает острый демографический дефицит. В частности, сельская местность, долгое время поставлявшая население в Ярославль, делать это в прежних масштабах уже не сможет. Вследствие этого развитие урбанизации и трансформация городской системы области будут осуществляться на новой основе.

А.Г. Смирнова

**Образ государства
как инструмент познания угрозы
в международных отношениях***

Рассмотрение механизмов познания угрозы в международных отношениях необходимо начать с определения специфики реализации угроз в данной сфере. Угроза представляет собой разновидность *субъект-субъектных отношений*, посредством построения которых субъект способен достигать своих целей и управлять по-

* Статья подготовлена в рамках выполнения работ по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК 4221.2006.6.

ведением другого субъекта, не включаясь непосредственно в конфронтацию. В качестве инструмента построения подобных отношений выступает намерение субъекта причинить вред другому субъекту при условии невыполнения последним заведомо неприемлемых требований, предъявляемых ему первым субъектом.

По нашему мнению, в данном определении *теоретически* сформулирован принцип, который имплицитно присутствует практически во всех *эмпирических* исследованиях угрозы: государства познают не просто угрозу; они познают угрозу, исходящую от данного конкретного государства. Познание осуществляет не абстрактный субъект, а политик или группа, выступающие от имени того или иного государства. Основу для подобного понимания угрозы и процесса ее познания создает *теория социального конструктивизма*, в частности утверждение о том, что государства наделены чувством «Я»¹, идентичностью.

Общие положения теории социального конструктивизма в международных отношениях требуют дальнейшей конкретизации применительно к решению проблемы механизмов влияния особенностей идентичности на восприятие угрозы. Прежде всего, в уточнении нуждается конструкт «идентичность государства».

Государство на международной арене одновременно позиционировано по меньшей мере в трех пластах отношений. Во-первых, оно характеризуется уникальным географическим положением, особенностями организации политической и экономической жизни, военной мощью, культурой и историей, этническим и религиозным составом населения, разделяемыми ценностями и убеждениями. В научной литературе подобный набор характеристик обозначается при помощи понятия *национальная идентичность*. Во-вторых, государство отличается своим особым положением (*статусом*) в системе международных отношений, членством в международных организациях, дружественными или враждебными отношениями с теми или иными странами. В-третьих, каждое государство реализует на международной арене определенный перечень *ролей*.

Таким образом, представление государства о самом себе и других участниках международных отношений (или *образ государств*

¹ Smirnova A. Representation as a Factor of Cooperation in International Relations // *Psicologia Politica*, 2006. № 33. P. 198.

ва) имеет трехкомпонентную структуру, которая включает: национальную идентичность, статус и роли. При этом необходимо отметить, что каждый из компонентов образа может характеризоваться позитивной, негативной или амбивалентной *эмоциональной окраской*.

Принимая во внимание изложенное выше, а также результаты проведенных эмпирических исследований², можно сформулировать следующие *предположения о механизмах восприятия угрозы в международных отношениях*.

Ключевое предположение, определяющее все остальные, заключается в том, что образ государства выступает в качестве инструмента, используя который политические лидеры осуществляют познание других участников международных отношений. При этом необходимо отметить, что сделанный вывод не означает, что при восприятии действий другого государства политический лидер непосредственно проецирует когнитивно-содержательные и эмоционально-оценочные характеристики образа государства на других участников международных отношений. Скорее, он осуществляет *сравнение* идентификационного, статусного и ролевого компонентов образа собственного государства и соответствующих компонентов образа другого государства.

Данное ключевое предположение может быть конкретизировано в отношении восприятия угрозы. В частности конструирование суждения о наличии или отсутствии угрозы может осуществляться с учетом восприятия *различий идентичностей* двух государств. При этом основанием для восприятия различий выступают: ключевые ценности, особенности политического режима, религиозная идентичность, принципы построения экономических отношений и другие. Угрозы *статусу* государства могут быть связаны с восприятием *лидерства* другого государства в той или иной области, а также – существованием *конфликтных отношений*. Необходимо отметить, что восприятие лидирующих позиций другого государства в какой-либо области не обязательно приведет к выводу о существовании угрозы. Это произойдет в том случае, если сфера, в которой лидирует другое государство, значима для субъекта по-

² Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Динамика образа государства в международных отношениях. СПб.: СПбГУ, 2006. 376 с.

знания, и он сам претендует в ней на ведущие позиции. Субъект познания сделает вывод о существовании угрозы *ролям* государства, которое он представляет на международной арене, в том случае, если, во-первых, государство – объект познания исполняет *роли*, которые *не соответствуют его идентичности и статусу* на международной арене так, как они восприняты субъектом познания. Во-вторых – если субъект познания сам претендует на исполнение подобных ролей.

Кроме когнитивно-содержательных характеристик, на восприятие угрозы оказывает влияние и эмоционально-оценочный компонент образа государства. Можно предположить, что восприятие угрозы сопряжено с *негативной эмоциональной оценкой* образа (или его отдельных компонентов) другого государства.

Знание механизмов восприятия угрозы позволит разработать *типологию угроз*. В качестве примера *угроз идентичности* может служить восприятие российским политическим руководством проблемы «конфликта цивилизаций». Россия традиционно позиционирует себя как страна, многовековой опыт которой свидетельствует, что представители разных религий могут жить в мире. Если принять во внимание подобное восприятие идентичности России, то становится понятной позиция президента РФ В.В. Путина, который осуждает попытки расколоть мир по религиозному или этническому признаку, вбить клин между исламским и христианским сообществами³.

Существующие *угрозы статусу* России, по мнению президента В.В. Путина, связаны с тем, что некоторые представители мирового сообщества продолжают воспринимать нашу страну «сквозь призму предрассудков прошлых лет» и видят в «...сильной, возрождающейся России угрозу»⁴. Фактически сложилась ситуация, когда Россия, позиционирующая себя в качестве полноправного участника международных отношений, который стремится не только участвовать в мировой политике, но и формировать ее, столкнулась с другой интерпретацией своего статуса в качестве страны с экспансионистскими стремлениями.

³ Путин В.В. Программа «Вести» // РТР, 27.06. 2006.17:00.

⁴ Путин В.В. Программа «Сегодня» // НТВ, 3.07.2006. 19:00.

Угрозы ролям находят свое воплощение в дискуссиях по поводу способов разрешения тех или иных проблем, например, ситуации, сложившейся вокруг Ирака в 2002 г., в связи с вероятностью существования там оружия массового уничтожения. Необходимо отметить, что ролевой компонент образа государства имеет свою специфику. В качестве детерминант ролей государства выступают особенности его идентичности и статуса. Как показывают результаты эмпирического исследования⁵, различия в выборе Россией и США средств разрешения иракской проблемы были обусловлены особенностями репрезентации президентами статусных характеристик возглавляемых ими государств.

Эмпирическая проверка сформулированных предположений о механизмах восприятия угрозы в международных отношениях позволит внести вклад не только в развитие теории восприятия угрозы, но и в разработку инструментария для анализа современных угроз и конфликтов.

А.В. Соколов, Т.С. Акопова

Проблемы реализации реформы местного самоуправления в Ярославской области

Подписанный Президентом России федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131 – ФЗ от 8 октября 2003 года (далее № 131-ФЗ) призван изменить принцип определения вопросов местного значения посредством связывания полномочий с видами бюджетных услуг, а также четкого разграничения полномочий между уровнями власти и типами муниципальных образований. Значительное изменение федерального законодательства, регламентирующего функционирование местного самоуправления в стране,

⁵ Smirnova A. Representation as a Factor of Cooperation in International Relations // *Psicologia Politica*, 2006. № 33.

потребовало от субъектов федерации привести в соответствие с ним и собственные нормативно-правовые акты в данной сфере.

Одной из главных трудностей в отношениях между муниципальным районом и вновь образованными поселениями стали бюджетные отношения. Доходные источники должны обеспечить исполнение функций, предписанных поселенческому и районному уровням власти. Но практически все районы просчитали, что эти доходные источники не обеспечивают те функции, которые возложены на них законом. Районам была предложена схема, когда им передаются средства в виде целевых субвенций, субсидий на выполнение конкретных государственных функций и полномочий. Однако специалисты считают, что легче было бы направлять денежные средства напрямую поселениям, а не передавать деньги через район. В то же время многие специалисты уверены, что непосредственная передача доходных источников муниципальным образованиям сделает невозможным бюджетное выравнивание развитых и депрессивных территорий, так как не будет возможности аккумулировать бюджетные ресурсы на областном уровне для их дальнейшего перераспределения.

Проблема межбюджетного выравнивания состоит в том, что на уровень местного самоуправления переносится модель федеративных отношений, когда более богатый регион (поселение) будет вынужден делиться своими излишками с более бедным, вместо того чтобы направить их на свое дальнейшее развитие.

Следующий пласт проблем связан с финансированием бюджета. В Ярославской области (как и в большинстве других субъектов РФ) вновь создаваемые муниципальные образования поселенческого уровня (особенно это касается сельских поселений, имеющих низкий налоговый потенциал) не обладают достаточными собственными финансовыми средствами для формирования доходной части бюджета в рамках предусмотренных федеральным законодательством налоговых поступлений. Расходные полномочия местных бюджетов существенно превышают доходную базу местного самоуправления. Строится дотационная пирамида: субъект даёт деньги муниципальным районам, которые в свою очередь перераспределяют часть средств среди поселений. Недостаточное финансирование местного самоуправления, предусмотренное федеральным законодательством, по сути, делает основную цель реформы –

улучшение жизни населения – недостижимой. В результате, создавая значительное количество структурных, организационных, имущественных, финансовых проблем, реформа не решает поставленных задач.

Другой проблемой является решение вопроса о муниципальной собственности. Необходимость перераспределения муниципальной собственности между районным и поселенческим уровнем местного самоуправления вызывает множество спорных моментов. Зачастую придётся разрушать сложившийся и функционирующий комплекс (транспортный, учреждений культуры), потребуются значительные финансовые затраты и организационные усилия на создание инфраструктуры, необходимой для реализации полномочий муниципальных образований поселенческого уровня. Всё это, вопреки целям реформы, может негативно сказаться на качестве предоставляемых населению услуг.

К проблемам бюджета, финансов и собственности тесно примыкают и вопросы управления. Они связаны с отсутствием четких инструкций у руководства и района, и поселений, как и что проводить. В настоящий момент на районном уровне местного самоуправления в Ярославской области остро стоит кадровая проблема. Значительную часть муниципальных должностей (в т.ч. руководящих) занимают работники со средним образованием. Такая же ситуация среди депутатского корпуса представительных органов муниципальных районов. Формирование органов местного самоуправления на уровне поселений существенно осложняет кадровую проблему, вызывает потребность в специалистах, которых необходимо не только подготовить, но и удержать в поселениях.

Территории Ярославской области неравноценны по экономическому потенциалу, развитию дорожной сети. Значительная часть сельских поселений не имеет необходимой инфраструктуры. Организация муниципальных образований на территориях с неразвитой транспортной сетью зачастую вызывает недовольство населения переменами сложившейся структуры. Людям иногда проще добраться до сравнительно удалённого районного центра, чем до близко расположенного центра вновь созданного муниципального образования, до которого не проведены дороги (например, при наличии болотистой местности) или с которым отсутствует регулярное транспортное сообщение.

Неоднозначность формулировок ряда норм федерального закона вызывает проблемы в правоприменительной практике. По подсчетам специалистов, законодательное реформирование требует внесения системных изменений и дополнений более чем в 70 федеральных законов.

Совпадение вопросов местного значения у муниципальных образований различных уровней может создать определенные трудности при их осуществлении. Но в то же время федеральным законом предусмотрена возможность передачи органами местного самоуправления поселений осуществления части своих полномочий соответствующим органам местного самоуправления муниципального района и наоборот.

Кроме того, решение вопросов межмуниципального характера осуществляется в пределах и за счет субвенций, предоставляемых из бюджетов городских и сельских поселений. При наличии собственных материальных ресурсов и финансовых средств органы местного самоуправления всех муниципальных образований (поселение, муниципальный район, городской округ) вправе решать иные вопросы, не отнесенные к компетенции других муниципальных образований, органов государственной власти и не исключенные из их компетенции федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Полномочия, предусмотренные федеральным законом, осуществляются органами местного самоуправления поселений, городских округов, муниципальных районов самостоятельно. Подчиненность органа местного самоуправления или должностного лица местного самоуправления одного муниципального образования органу местного самоуправления или должностному лицу местного самоуправления другого муниципального образования не допускается.

В результате реализации реформы местного самоуправления в Ярославской области и других субъектах Российской Федерации произошло существенное усложнение территориального устройства местного самоуправления. При этом в большинстве субъектов Российской Федерации при установлении границ, территорий и статуса муниципальных образований взята за основу система исторически сложившегося административного территориального де-

ления и сложившиеся границы существующих муниципальных и административных территориальных образований.

Не все мероприятия по установлению границ муниципальных образований и наделению их соответствующим статусом прошли гладко и безболезненно. В Ярославской области в данном случае следует привести пример Рыбинска. В ряде субъектов Российской Федерации возникали судебные процессы. Российской Федерации пришлось самостоятельно утверждать границы 50 муниципальных образований, расположенных в четырех субъектах Российской Федерации.

К основным вопросам, которые поднимаются органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, в рамках реформы местного самоуправления относятся: отсутствие методологического и финансового обеспечения реформы, подбора и подготовки кадров для муниципальных образований, а также обеспечения вновь образованных муниципальных образований собственными доходными источниками и разграничение собственности.

Н.А. Соловьева, Е.Б. Воробьев

**Региональный опыт
реализации геронтополитики
в условиях современной России**

Развитие и внедрение концепции национальной геронтополитики, применение инновационных форм, использование методов и технологий современной модели социальной политики невозможно без анализа и учета регионального опыта социальной защиты и поддержки лиц пенсионного возраста.

Региональная социальная геронтополитика понимается нами как деятельность местных органов власти, бизнес-структур и широкой общественности в области социальной защиты и поддержки лиц пенсионного возраста. По сути, речь идет о развитии и приме-

нении механизма социального партнерства в решении актуальных проблем и задач лиц пенсионного возраста.

В условиях современной России социальное партнерство формируется благодаря конструктивному, эффективному и действенному сотрудничеству трех секторов: государственного, коммерческого и общественного. Суть его – адекватное понимание важности решаемых социальных проблем, взаимодополнение ресурсов и определенные интересы партнеров, их доверие друг к другу.

Наряду с развитием практики социального партнерства, в разных регионах России местными государственными, коммерческими и общественными структурами накоплен определенный как положительный, так и отрицательный опыт решения социальных проблем названной социально-демографической группы населения, требующий своего анализа, обобщения и использования.

Несомненный интерес вызывает опыт такой работы, накопленный в Ярославском регионе. По данным на начало 2005 года постоянное население региона составляло 1338,7 тыс. человек, в том числе городское 1088,6 тыс. чел. и сельское 250,1 тыс. чел. Его областным центром является г. Ярославль, в котором проживает 605,2 тыс. чел.

Регион расположен в центре европейской части России в бассейне реки Волги, его соседями являются Тверская, Московская, Ивановская, Владимирская, Костромская и Вологодская области. Важное преимущество географического положения региона – близкое расположение территории от Москвы (282 км) и Санкт-Петербурга (850 км).

Не менее важная особенность Ярославского региона – его транзитность, связанная с нахождением на сухопутном пути на векторе «юг – север – восток». Следовательно, регион объединяет центры экономической деятельности, расположенные вдоль автомобильного и железнодорожного путей меридионального направления, ведущих из Центра на Север и Восток России. Нельзя переоценить значимость для социально-экономического развития Ярославского края и волжского речного пути.

Город Ярославль появился и успешно развивается благодаря удачному размещению в зоне взаимодействия сухопутного и речного магистральных транспортных коридоров. Тем не менее центр в большей степени исторически принадлежит волжскому речному пути (об этом свидетельствуют первоначальные причины основа-

ния поселения, из которого вырос Ярославль). Поэтому Ярославль объективно реализует преимущества своего тяготения к другим регионам. Он как областной центр концентрирует значительную часть экономического, социального, административного потенциала всего региона.

Следующей важной особенностью или отличительной чертой региона является высокая степень информированности его населения о происходящих событиях в разных сферах жизнедеятельности общества: здесь представлены все виды теле-, радио-, Интернет-связи. Жители региона являются активными пользователями этих услуг. Данное обстоятельство позволяет широкой общественности принимать непосредственное активное участие в обсуждении и корректировке социальных программ и проектов.

Непосредственным образом на реализацию социальной политики влияет ресурсный потенциал региона (материальный, человеческий, информационный). Он позволяет осуществлять подготовку специалистов социальной сферы, повышать их квалификацию, расширять материально-техническую базу, повышать объемы финансирования объектов социальной сферы (в сравнении, например, с Ивановской и Костромской областями).

В Ярославской области в 90-е годы XX века активно развивается социальная работа с населением, и в частности с лицами пенсионного возраста. Она в основном осуществляется по следующим направлениям: укрепление и развитие государственной поддержки лицам пенсионного возраста (координирует департамент социальной защиты населения и труда Администрации Ярославской области) и активизация деятельности негосударственных объединений, фондов и организаций.

На протяжении последних лет в регионе успешно реализуются Программы, являющиеся составной частью Губернаторской Программы социально-экономического развития Ярославской области «От выживания к благополучию» – это «Здоровое долголетие», «Развитие системы стационарных учреждений социального обслуживания Ярославской области», «Безбарьерная среда», «Реабилитация инвалидов», «Забота», «Старшее поколение». Одним из приоритетных направлений в этих программах является создание единой модели социально-геронтологической помощи на территории области.

В Некрасовском районе Ярославской области в мае 1999 года был создан геронтологический центр. Основными его задачами являлись: организационно-методическая помощь лечебно-профилактическим учреждениям области; консультативно-лечебная помощь лицам пожилого и старческого возраста; координация совместно с управлением социальной защиты медико-социальной помощи населению области; сбор и анализ результатов по проблемам диагностики и лечения больных геронтологического профиля; разработка стандартов обследования и лечения лиц пожилого возраста с учетом множественной патологии, возможности побочного действия лекарственных средств, снижения иммунитета; клиническая апробация новых лекарственных препаратов, диагностической и лечебной аппаратуры; научно-практические исследования по приоритетным направлениям геронтологии и гериатрии; участие в работе международных конференций и симпозиумов, пленумов, посвященных вопросам геронтологии и гериатрии¹. Это был один из первых опытов открытия подобных центров.

В феврале 1999 года было учреждено Ярославское отделение Всероссийского геронтологического общества при РАН. В 2003 году в Ярославле на базе Заволжского дома-интерната был открыт Областной Геронтологический центр. В настоящее время дом-интернат функционирует как многопрофильное стационарное учреждение. Здесь осуществляется, кроме медико-социального, реабилитационного обслуживания, и научно-практическая деятельность, направленная на апробацию новых и совершенствование действующих форм, методов и технологий работы домов-интернатов. На его базе впервые в Ярославской области организовано геронтопсихиатрическое отделение, впервые в России введена новая форма социального обслуживания – отделение временного пребывания – гериатрический центр медико-социальной реабилитации.

Таким образом, в Ярославской области Российской Федерации идет активный процесс реализации геронтополитики. Именно в ней

¹ Албегова И.Ф. Геронтопсихология и ее учет в работе с пожилыми людьми // Вопросы психологии и эргономики. 1999. № 2 (3). С. 7-10.

наиболее ярко проявляются региональные особенности, развивается институт социального партнерства и постоянно создаются инновационные структуры социальной защиты и поддержки лиц пенсионного возраста, а также активизируется деятельность уже известных.

В.В. Томашов

«Американский фактор» и его влияние на формирование антропологии неофрейдизма

Формирование антропологии неофрейдизма проходило в 1920 – 1930-е гг. под влиянием целого ряда факторов, среди которых ведущее значение имели как внутренние противоречия классической фрейдистской концепции психики человека, так и личностные (субъективные) черты учеников и последователей З. Фрейда. Эти факторы нашли достаточно широкое отражение в историко-философской и психологической литературе.

В данной статье речь пойдет о так называемом «американском факторе» генезиса и развития базовых принципов и проблематики неофрейдизма. Сам этот фактор представляется достаточно комплексным и включает в себя, в частности, такие обстоятельства, как результаты изысканий «полевых антропологов» США и специфически американский социокультурный контекст, в котором происходила адаптация и трансформация идей «ортодоксального» фрейдизма. Этот «контекст» с необходимостью придал неофрейдистской антропологии в США ярко выраженный аппликативный характер. Собственно, вся антропология неофрейдизма (и континентальная – не исключение) представляет собой комплекс отчетливо прагматизированных теоретических конструктов. Онтологический статус методологической базы неофрейдизма вообще значительно «ниже», нежели в европейском фрейдизме первых двух десятилетий 20-го века. Что же касается неофрейдизма в США, то «практицистская» целеустремленность, несомненно, стала его *differentia specifica*.

Итак, немаловажным фактором формирования неофрейдизма стали исследования примитивных культур американскими полевыми антропологами. Активные изыскания в этой области велись на протяжении 1920-х и 1930-х годов.

Еще Б. Малиновский, работая на Тробрианских островах, обнаружил, что не отец, а брат по материнской линии был стражем детей. На основании этого факта он предположил, что «эдипов комплекс» не является универсальным. За это он подвергся критике со стороны Рохейма, который сам осуществлял полевые исследования в примитивных племенах. «Если, – спрашивает Рохейм, – Малиновский не знал фрейдовских методов и сам не подвергался анализу, как он мог проверять «эдиповскую» теорию?»¹. Фенихель указывает, что «находки Малиновского на Тробрианских островах показывают не то, что есть местности, где не существует «эдипова комплекса», а скорее то, что формы, приобретаемые этим комплексом, варьируются от культуры к культуре»².

Однако более серьезное противодействие фрейдовской теории оказали изыскания американских антропологов Рут Бенедикт и Маргарет Мид. В 1930-х годах они провели серию исследований, продемонстрировавших, сколь гибкой является человеческая природа, если наблюдать за ней на фоне различных культур. Это противоречило предположению З. Фрейда об устойчивости человеческой природы. Маргарет Мид обнаружила, например, «что волнение и стресс, считающиеся в западной цивилизации само собой разумеющимися как типичные для юной девушки, отсутствуют среди девушек на Самоа, где обычаем допускается ранний сексуальный опыт». В противовес известной фрейдовской установке о врожденных биологических факторах, М. Мид установила, что в Новой Гвинее, например, «соседствующие племена с различными культурами демонстрируют вариации мужских и женских черт, доходящих в некоторых случаях порой даже до отмены привычных для нас ролей»³.

По мнению некоторых специалистов, эти исследования серьезно подрывают основные фрейдовские постулаты. Так, Дж. Наэм

¹ See: Brown J. Freud and the postfreudians. L., 1961. P. 154.

² Ibid. P. 248.

³ Brown J. Freud and the postfreudians. P. 150-159.

пишет: «Ведущие антропологи Маргарет Мид, Рут Бенедикт, Кора Дюбуа и Франц Боас собрали данные, опровергающие предполагаемую универсальность таких основных фрейдовских понятий, как либидо и инстинкты разрушения и смерти, врожденные инфантильные сексуальные стадии и эдипов комплекс»⁴.

Правда, другие специалисты не столь категоричны в своих оценках. Так, Дж. Браун пишет: «Они (антропологи. – *В.Т.*) открыли новые данные относительно примитивных культур, которые не всегда соответствуют фрейдовским теориям, несмотря на определенные субъективные влияния»⁵.

Несомненно, что если изыскания антропологов и не опровергли теории З. Фрейда, то они подняли множество вопросов, ответы на которые попытались дать неофрейдисты.

Переезд основателей неофрейдизма из Европы в США, перемещение их в совершенно иное социокультурное пространство также не могло не оказать значительного влияния на развитие неофрейдистской школы. Так, Карен Хорни по этому поводу пишет: «Когда в 1932 г. я приехала в Соединенные Штаты ... я увидела, что отношения между людьми и неврозы в этой стране во многом отличаются от тех, которые я наблюдала в европейских странах, и что объяснить это можно лишь различием в культурах»⁶.

Одной из причин возникновения неофрейдизма, несомненно, явился сам процесс постепенного приспособления фрейдизма к потребностям американского пациента 30-х годов. Неофрейдизм стал ярчайшим выражением американизации классического психоанализа, его модификации в условиях американской действительности. Эту точку зрения Дж. Браун конкретизирует следующим образом: «Для американского подхода характерен социологизм, и неофрейдисты, хотя и работают с людьми с помощью аналитических методов, склонны рассматривать конфликты пациента как микрокосмос социальных конфликтов; в Европе, напротив, подход не просто преимущественно биологический, но под влиянием Мелани Кляйн (ортодоксальной последовательницы З. Фрейда. – *В.Т.*) и

⁴ Наэм Дж. Психология и психиатрия в США. М., 1994. С. 36.

⁵ Brown J. Freud and the postfreudians. P. 154.

⁶ Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. М., 2007. С. 10.

других, все более и более биологический. Научные теории, как отметил кто-то, являются не утверждением об окончательных и абсолютных истинах, а приспособлениями, полезными для понимания, а поскольку мы понимаем в терминах, соответствующих нашим знаниям, то они неизбежно зависимы от социального фона ученого»⁷.

По мнению Г. Уэллса, «если в Вене Фрейд лечил преимущественно привилегированный класс, главным образом аристократию, и делал свои выводы на основании этого опыта, то в США аналитики с самого начала имели дело, прежде всего, с кругом деловых людей, практиков, с представителями среднего класса и специалистов-профессионалов и даже с верхушкой рабочего класса и служащих. Умозрительный, в высшей степени эзотерический, отвлеченный и пессимистический характер фрейдизма резко контрастировал с практичностью, оптимизмом и здравым смыслом многочисленных клиентов ... Конкретные проблемы, связанные с работой, гражданскими обязанностями, браком, детьми, давлением конкуренции, часто заставляли сосредотачивать внимание скорее на текущей жизни, чем исключительно на отдаленном опыте, воспоминаниях, ассоциациях и сновидениях раннего детства. Настойчивые требования наискорейшего восстановления полной работоспособности в большей мере, чем терпение, необходимое для успешного раскрытия символических связей с фрейдовским совершенством, создавали предпосылку для «выхолащивания» классических принципов психоанализа. Фрейд настаивал на пяти сеансах в неделю, но в США это число сокращалось иногда до четырех, трех, двух или даже одного раза в неделю. Подобная практика сыграла немаловажную роль в готовности аналитиков идти на теоретические уступки»⁸.

Первая половина 20-го века характеризовалась широким развитием экспериментальной психологии в США. Исследования проводились по двум направлениям: основное внимание уделялось сенсомоторным функциям и функциям научения (что во фрейдовской терминологии являлось «вторичными процессами "я"»), с од-

⁷ Brown J. Freud and the postfreudians. P. 26.

⁸ Уэллс Г. Крах психоанализа: от Фрейда к Фромму. М., 1968. С. 41.

ной стороны, и экспериментальному исследованию постулатов психоанализа – с другой.

Что касается первого аспекта, то сенсомоторная деятельность и процесс научения, мышление и познание предполагали усиление интереса к окружению и его влиянию на психику и человеческую природу – подход, совершенно чуждый психоанализу. Этот факт сам по себе способствовал зарождению неофрейдизма.

Экспериментальное исследование постулатов психоанализа проводилось во многих психологических лабораториях США. Результаты исследований были обобщены в 1942 году в книге «Обзор объективных исследований психоаналитических понятий» профессором детской психологии университета штата Айова Робертом Сирсом. В ней Р. Сирс пришел к следующему заключению: «Согласно критериям физических наук, психоанализ не является подлинной наукой, ... немногие исследователи принимают целиком утверждения Фрейда. Причина того, что психоанализ не является истинной наукой, состоит в ненаучности его метода. Психоанализ основывается на методах, которые не позволяют повторить наблюдения, не обладают самоочевидностью, или денотативной валидностью, и несут на себе в некоторой степени отпечаток субъективных предубеждений наблюдателя. Когда такой метод используется для открытия психологических фактов, которые должны обладать объективной валидностью, он оказывается совершенно несостоятельным»⁹).

Следует заметить, что не все специалисты столь категоричны в своих суждениях. Однако в 1942 году работа Р. Сирса оказала мощнейшее влияние на ученых, стремящихся реформировать ортодоксальный психоанализ. Данные экспериментальной психологии были серьезным фактором формирования неофрейдизма.

Итак, мы рассмотрели основные составляющие так называемого «американского фактора», которые, на наш взгляд, привели к образованию и развитию неофрейдистской школы в психоанализе. Именно они обусловили внутреннюю динамику развития психоаналитических теорий, которые со временем все более тяготели к детальному рассмотрению роли социума в формировании лично-

⁹ Наэм Дж. Психология и психиатрия в США. С. 37.

сти. Во многом появление неофрейдизма в том виде, в котором мы его знаем, было лишь делом времени.

А.Г. Шатохин

Особенности регулирования социально-трудовых отношений социально-слабозащищенных групп населения

Группа инвалидов требует самой существенной социальной защиты и во многих развитых странах находится под такой опекой общества и государства, что в ряды маргиналов практически не попадает. В большинстве стран государство считает своей главной целью создание таких условий существования инвалидов, при которых они ни в чем не чувствовали бы своего отличия от любого другого члена общества в сфере социально-трудовых отношений.

Быстрота изменений в технике и технологии производства создает значительные трудности трудоустройства для инвалидов, поэтому в решении этой проблемы государство идет, как правило, двумя путями: открывает специальные предприятия для труда инвалидов и стимулирует предпринимателей к созданию специальных рабочих мест, а также устанавливает систему квот, предусматривающих прием определенного числа инвалидов, и санкций (штрафов) за их нарушение.

Например, предприниматель Германии обязан на каждые 16 наемных рабочих нанимать одного инвалида, а при нарушении этой нормы ежемесячно платить штраф в 50 марок за каждое отсутствующее рабочее место для инвалида. Могут быть случаи, когда предприниматель по не зависящим от него причинам не может вступить в трудовые отношения с инвалидом, в таком случае он должен получить специальное разрешение на наем обычного работника.

Социально-трудовые отношения инвалидов с обществом включают помощь государства в восстановлении ими утраченных функциональных способностей и их профессиональной реабилитации. В основном финансирование таких отношений началось в странах

ОЭСР в 60 – 70-е гг. В Бельгии в 1963 г. был создан Национальный фонд по трудоустройству инвалидов, который гарантировал работникам материального производства, ставшим инвалидами по любой причине, получение пособия на функциональную, профессиональную и социальную реабилитацию. Первым в мире примером, хотя и локального свойства, был Фонд социальных институтов на государственных шахтах Норвегии, созданный в 1918 г. и занимавшийся трудоустройством инвалидов-шахтеров в районе Лимбурга.

В Бельгии существуют льготы, которые можно назвать социально-трудовыми гарантиями: в ходе обучения инвалидам выплачивается пособие и дополнительное вознаграждение, возмещаются транспортные расходы, расходы на проживание, на приобретение учебных пособий, специальные премии и пособие по социальному обеспечению, которое положено инвалиду и уже не относится к системе трудовых отношений (подобное пособие выплачивается в том числе в нашей стране – пенсия по инвалидности).

Инвалиду значительно труднее вступить в трудовые отношения, поэтому в большинстве стран существуют консультативные комитеты, информационно-консультативные бюро и т.д., помогающие решить эту проблему. Это специализированные службы для инвалидов, и они не заняты решением проблем других контингентов. Такой подход был бы полезен для системы трудоустройства в России.

Социальному рыночному хозяйству не свойственно и даже вредно предоставление благ и привилегий отдельным группам населения или гражданам. Многие страны оплачивают расходы инвалидов на профессиональную переподготовку и передислокацию независимо от материального положения семьи инвалида, поскольку только таким путем гарантируется или по крайней мере максимально обеспечивается вступление инвалида в трудовые отношения.

Еще одна категория граждан с более высокой вероятностью попадания в маргиналы из-за их психофизических особенностей – это пожилые люди. Пожилому работнику (в последнем предпенсионном пятилетии), потерявшему работу, значительно труднее найти новую аналогичную, а также сложно профессионально переориентироваться.

Статистика выявляет, что среди длительно безработных (более двух лет, – это уже или почти уже маргиналы) подавляющее боль-

шинство составляют именно пожилые работники. При этом безработные, не находясь в социально-трудовых отношениях с каким-либо предпринимателем, продолжают находиться в таковых с государством, получая пособия и пользуясь «опекой» по трудоустройству. Чтобы избавить таких работников от трудностей, связанных с попытками получить новую работу, большинство западных стран применяло в 80-е гг. досрочный выход на пенсию – за 2-3 года до наступления пенсионного возраста. Но, как показала практика его применения, расходы на выплату досрочных пенсий и расходы на профессиональную переориентацию и переподготовку пожилых людей вполне сопоставимы, а сам выход на досрочную пенсию, не воспринимаемый как благо, несет значительные моральные потери.

Определенной разновидностью такой социальной защиты, имеющей, в морально-психологическом плане, большую предпочтительность для работника, является так называемый отпуск ожидания. Он предусматривается как добровольная мера по отношению к потенциальным кандидатам на увольнение в предпенсионном возрасте за год-два до пенсии, которые уходят в такой отпуск с сохранением 75% последней зарплаты и, если не будут востребованы на работу после окончания отпуска, «плавно» переходят на заслуженную пенсию.

И.Г. Шатохин

Необходимость формирования в России института накопительной пенсии

Появление института накопительной пенсии в российской экономике не случайно, т.к. в большинстве развитых стран эти структуры играют важную роль не только в жизни пенсионеров, но и всего общества в целом.

На наш взгляд, создание этого института в России решит ряд проблем. Во-первых, положение пенсионеров может существенно улучшиться за счет капитализации пенсионных накоплений, а государство сможет снять с себя значительную часть ответственно-

сти за пенсионное обеспечение своих граждан. Во-вторых, экономика получит столь недостающие ей «длинные дешевые» деньги. Частный бизнес сможет пользоваться этими деньгами, а значит, получит средства для развития, роста своей капитализации и, в свою очередь, увеличит размер будущих пенсий. В-третьих, Россия интегрируется в мировой финансовый рынок, а с выводом пенсионных капиталов на зарубежные рынки появляется возможность научно обоснованной диверсификации инвестиций. В-четвертых, произойдет повышение рейтинга российских бумаг до уровня, пригодного для инвестиций со стороны зарубежных институциональных инвесторов.

В нашей стране негосударственные пенсионные фонды (НПФ) представлены двумя видами: фонды закрытого типа (кэптивные или корпоративные) и фонды открытого типа (региональные). Из 400 НПФ кэптивные структуры составляют 85,9%. В основном НПФ расположены в Москве (119) и в Санкт-Петербурге (21). Наибольшее количество участников в НПФ «Благосостояние» – 1 451 482 человек, в «НПФ электроэнергетики» – 281 861, «Лукойл-гарант» – 216 065.

В 2005 году многие НПФ сумели неплохо заработать для будущих пенсионеров, инвестируя средства. Так, например, «Газфонд» добился доходности более чем в 24% годовых.

Однако в целом результаты деятельности НПФ пока довольно скромные. Объем средств пенсионных накоплений по состоянию на 1 января 2006 года составит 247,75 млрд. руб. НПФ РФ не могут рассматриваться как сложившаяся система негосударственного пенсионного обеспечения ни по числу вкладчиков, ни по числу участников, ни по применяемым социальным инвестиционным технологиям.

Мы считаем, что для нормального функционирования института накопительной пенсии необходимы определенные условия:

1) *бескризисное экономическое развитие и стабильная финансовая ситуация в стране.* На данный момент эти условия в определенной степени имеются. Экономический рост в России в последние годы составляет около 6%. Рубль более-менее стабилен, хотя инфляция несколько высоковата – около 9%;

2) *отлаженная и развитая банковская система.* Банковская система пока еще не соответствует современным требованиям:

размеры большинства вкладов небольшие, высокие процентные ставки по кредитам;

3) *надежные инвестиционные механизмы*, гарантирующие высокий уровень ликвидности ценных бумаг. Их пока недостаточно;

4) *высокий уровень официальной зарплаты*. Частная пенсионная система играет большую роль для высокооплачиваемых работников, а для низкооплачиваемых ключевое значение в жизни имеет все же государственная поддержка. Развитие аналогичного института в России затруднено в связи с низкими доходами в нашей стране. Если в США средняя заработная плата составляет 3750 долл. в месяц, то в России – около 300 долл. Где взять средства на накопительные частные пенсионные счета?

Создание таких условий должно быть согласовано со всей социально-экономической сферой страны. Как правило, чем больше развит негосударственный сектор в области пенсионного обеспечения, тем меньше государство вмешивается в эту сферу, а следовательно, ниже уровень социализации страны.

С.А. Шубина

Начальный период истории Российской духовной миссии в Китае

В XVIII – первой половине XX века в Китае действовала Российская духовная миссия, уникальное русское учреждение за границей, которое представляло не только Русскую Православную Церковь, но и русское государство. Миссия на протяжении почти трех веков играла важную роль в процессе межцивилизационного диалога между Россией и Китаем.

XVIII веку принадлежит особая роль в истории Русской Православной Церкви в Китае.

Во-первых, это был период становления института Российской духовной миссии. Указ Петра I от 18 июня 1700 года поставил вопрос о создании духовной миссии в Пекине и положил начало формированию штатов миссионеров и их содержания. Кяхтинский

трактат¹ (1727/28 гг.) подтвердил права России на существование в столице Цинской империи православной миссии, представители которой находились здесь уже с 1715 года.

Во-вторых, в первое столетие существования миссии определились основные направления ее деятельности: культурно-религиозное, дипломатическое и научно-исследовательское. Они были вызваны, с одной стороны, потребностями российского государства в развитии отношений со странами Дальнего Востока и необходимостью приобщения язычников в лоно православной церкви – с другой.

На первом месте стояла задача сохранения веры среди небольшой общины потомков этнических русских, которые составляли особый отряд императорской гвардии в Пекине. Так называемая «русская рота» или «русская сотня», известная по источникам с XIII века, формировалась за счет пленных и перебежчиков из России². К началу XVIII века рота в основном состояла из албазинцев – русских защитников крепости Албазин, плененных цинскими войсками в 1685 году.

Причисленные к желтому с каймой маньчжурскому знамени русские пленные получили казенные квартиры, по наделу пахотной земли, денежное содержание и рисовый паек³. Подобное привилегированное положение военного сословия при Цинской династии (1644 – 1911 гг.) привело к быстрому нравственному падению албазинцев. Семейная жизнь также способствовала проникновению «духа китаизма» в сознание албазинцев. Жены были даны им из «разбойничьего приказа», и, как отмечал в конце XVIII века начальник 8-й миссии Софроний (Грибовский), «как можно думать, чтоб они были добрые и честные женщины, когда за малые пороки в помянутый приказ никого не берут?»⁴. К сожалению, подобный

¹ Русско-китайские отношения. Официальные документы (1689-1916). М., 1958. Документ № 2.

² Палладий, архим. Старинные следы христианства в Китае // Восточный сборник. 1872. Т. I. Вып. 1. С. 47-50.

³ Исайя, иером. Материальное состояние православных христиан в Пекине // Иркутские епархиальные ведомости. 1866. № 48. С. 531.

⁴ [Софроний (Грибовский)]. Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры // Материалы для истории Российской Духовной Миссии / Под ред. Н.И. Веселовского. Вып. 1. СПб., 1905. С. 9.

образ албазинца, сложившийся у православных миссионеров в XVIII веке, по замечанию Николая (Адоратского), существовал в миссии на протяжении и всего XIX века⁵.

Многочисленным российским посольствам в Китай не удалось добиться разрешения у Цинского правительства на организацию в Пекине светского дипломатического представительства России. Тогда было решено использовать для этой цели духовную миссию. С 1744 года миссия находилась в ведении Коллегии иностранных дел и выполняла ее поручения.

Обязанности российского резидента в Китае выполнял архимандрит. Собирая сведения политического, торгово-экономического и военного характера о китайской стороне должны были все члены миссии. Миссионеры участвовали в разрешении политических проблем, возникавших между Россией и Китаем, таких как: подготовка китайского посольства в Россию (1729 и 1732 гг.), попытка решения вопроса о свободном плавании по Амуру (3-я миссия (1736 – 1745 гг.)), участие в переговорах российских посольств В.Ф. Братищева (1757 г.) и И.И. Кропотова (1763 г.) (5-я миссия (1755 – 1771 гг.)). Ученики 6-й миссии (1771 – 1782 гг.) регулярно приглашались в Лифаньюань для перевода дипломатических документов и использовались в качестве переводчиков на допросах русских перебежчиков с западной границы.

Начиная с XVIII века миссия обеспечивала кадры переводчиков китайского и маньчжурского языков в общероссийском масштабе. Среди учеников миссии особенно отличились Иларион Россохин и Антон Владыкин (2-я миссия), Алексей Леонтьев (3-я миссия), Федор Бакшеев и Алексей Парышев (6-я миссия), Павел Каменский и Степан Липовцев (8-я миссия). Обладая глубоким знанием китайского и маньчжурского языков, у истоков преподавания восточных языков в России стояли Иларион Россохин, Алексей Леонтьев и Антон Владыкин.

Осмысление внутривосточных процессов, происходящих в Цинской империи, умение прогнозировать внешнеполитическую ситуацию, а также задача предотвращения «китаизации» албазин-

⁵ Николай (Адоратский). История Пекинской Духовной Миссии в первый период ее деятельности (1685-1745) // История Российской Духовной Миссии в Китае: Сборник статей. М., 1997. С. 48.

цев были невозможны без глубокого знания языка, истории и культуры Китая. Эта потребность вызвала развитие научного направления в деятельности миссии. XVIII век – это период переводов, время знакомства России с Китаем и складывания представлений о дальневосточном соседе.

Прежде всего была проведена огромная работа по составлению словарей и учебных пособий. Этим занимались почти все ученики миссии, но большинство лексиконов так и осталось в рукописях. Первая попытка составления китайско-маньчжуро-русского словаря была предпринята в 1734 – 1735 гг. архимандритом Антонием (Платковским), начальником 2-й миссии⁶. Иларион Россохин составил пособие «Как выговаривать китайские речи, писанные российскими литерами, для их подлинного произношения»⁷. Оно представляло собой образец первой русской транскрипции китайских иероглифов. Следует упомянуть Русско-маньчжуро-китайский разговорник Алексея Леонтьева⁸. Первый большой маньчжуро-русский словарь составил Федор Бакшеев. Первая грамматика маньчжурского языка написана Антоном Владыкиным. С течением времени эти словари все больше и больше приобретают характер первоисточников, особенно для изучения китайского и маньчжурского разговорных языков.

Темы научных занятий исходили из традиционно русских интересов к истории Средней империи: всеобщая история страны; монголы и маньчжуры в Китае; география расселения и история народов, населявших северные и западные районы Цинской империи; области, пограничные с югом Сибири.

История Китая с древнейших времен до воцарения маньчжурской династии Цин в 1644 году, сведения о военной организации маньчжуров нашли отражение в переводах Илариона Россохина и Алексея Леонтьева. Последнему принадлежала заслуга ознакомления российского общества с философией и идеологией Китая (3-я и 4-я миссии). Последователем А. Леонтьева стал ученик 6-й миссии Алексей Агафонов. Их переводы, уделявшие внимание традицион-

⁶ Николай (Адоратский). Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. Казань, 1887. С. 133.

⁷ Там же. С. 134.

⁸ Там же. С. 331.

ной идеологии Китая, почти все были опубликованы, что свидетельствует о повышенном интересе России к этим сюжетам. В последующие годы это направление развивалось слабо.

Велика роль миссии в процессе складывания в России книжного фонда восточных книг. Миссия служила основным источником пополнения коллекций русских меценатов китайскими предметами и научных центров восточными книгами. Начало библиотеке в самой миссии положил Софроний (Грибовский). Она постепенно пополнялась и располагала значительным фондом восточных книг, которые широко использовались в качестве учебных пособий, для чтения и перевода.

В-третьих, этот период знаменит частыми на протяжении всего века «неустройствами» внутри миссии и разногласиями среди прибывших из России священнослужителей и учеников. «Темные стороны» жизни миссионеров, а также «малороссийский» состав миссии породили мнение о «пассивном» характере ее деятельности⁹.

Таким образом, именно в первое столетие существования Российской духовной миссии в Китае были заложены православные, дипломатические, научные и культурные традиции жизни и деятельности миссионеров, которые в полную силу реализовались уже в последующие столетия.

⁹ Николай (Адоратский). История Пекинской Духовной Миссии ... С. 18.

Город как предмет исследования

Само явление города, несмотря на всю очевидность, представляется весьма трудным предметом для научного познания. Этой проблеме посвящено множество литературы разных отраслей знания: философских, социологических, исторических, культурологических, филологических, художественных и др. Город рассматривается с разных сторон своей жизни. Исследователей интересуют экономические, социальные и политические аспекты его зарождения. Немало внимания уделяется отличительным качествам городского сознания от предшествующего ему мифологического. Город мыслится как новая духовная целостность, особого рода ментальность с присущими ей архетипами. Это особый субъект исторической деятельности со своей душой и именем¹. В нем собираются все творческие силы общества, создающие иное, чем прежде, пространство и порядок социальной жизни. В городе меняется время и появляется история. Своей внутренней планировкой и архитектурными стилями он сохраняет память о прошедшем и выражает стремление в будущее. В урбанистических центрах концентрируются все богатства, власть, информация мира. Цивилизация как современная стадия общественного развития, идущая после дикости и варварства, напрямую связана с гражданским образом жизни, с новым человеком, осмысливающим себя в отличие от других людей, т.е. *индивидуально*. Выделенность общества от остального мира и человека от коллектива рождает в городах художественное сознание. В конце концов, город не может не рассматриваться как новое религиозное состояние. Именно при этих культурных и психологических обстоятельствах появляются мировые религии, в том числе и интересующее нас христианство.

¹ Сайко Э.В. Древнейший город: Природа и генезис. М., 1996; Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

Эта сложность, многоплановость, многообразие и богатство городской жизни затрудняет определение ее на понятийном уровне. Понятие города раскрывается по-разному. Существует большое количество таких определений, которые легче назвать дефинициями, укладываемыми по следующим направлениям: экономическим (город как центр ремесла и торговли, производства и разделения труда); социальным (город как территориальная община, не рождающая сословно классовую дифференциацию и антагонизмы); демографическим (город как место повышенной концентрации населения); политическим (город как центр политической власти и места действия юридического закона); психологическим (город как новая общественная ментальность); культурологическим (город как пространство немифологического символизма, информации, образования, письменности и т.д.); религиоведческим (город как новый религиозный центр, храм, объединяющий всех жителей полиса) и другим.

Кроме всего указанного, не меньше трудностей и с методологией исследования. Она неясна и неустойчива и меняется вместе с развитием общества и самого исследователя. Поэтому методология носит, скорее, субъективный, чем объективный характер. Так или иначе, такая переменчивость в методе объясняется нравственными, психологическими, ценностными установками самого автора.

Многие обществоведы вообще отказываются дать сущностное определение понятию города, ссылаясь на то, что его, как и человеческую жизнь, нельзя определить, а можно только описать. Поэтому в последние годы к этому явлению стали относиться как к результату и основе процесса урбогенеза.

Античные авторы рассматривали полис как продолжение частного дома гражданина, как союз домов и единство собственников. Поэтому к городу отношение было с позиции материальных удобств и выгод обеспеченной жизни, гарантированных правом собственности хозяина и определяющих свободу жителя древнего полиса. Эти идеи можно встретить в работах Платона и Аристотеля. В это же время появляются первые утопии, как выражение недовольства жизнью реального города и как сама цель общественного развития.

В средневековье город воспринимался замкнутым духовным пространством, где человек пребывает одновременно в двух мирах

– высшем (небесном) и низшем (земном), где осуществляется тайна этой связи и весь символизм культуры вовлекает в этот процесс.

Возрождение раскрепощает город. Раскрываются его ворота. В архитектуре появляется арочность с окружающим пейзажем. Не разделяя средневековых ценностей, гуманисты видели в предшествующей истории лишь подготовку к их преобразованию. Они по-своему взглянули на взаимоотношения цехового средневекового города с феодалом и определили их как борьбу новой мысли с обветшалым прошлым. Эти оценки тех культурных реалий на долгое время поселились в научных штудиях по средневековедению. Религиозное состояние умов главных деятелей Возрождения не позволяло им воспринять дуализм человеческой жизни. Духовный свет, обнажавший утонченность духовных переживаний индивидом богообщения, им не был знаком. Поэтому не мудрено, что все средневековье окрасилось для них в тона коммерции, собственнических отношений, социальной борьбы интересов, а в духовной области – эгоизма, тщеславия, сребролюбия и т. д. Свои болезни авторы нередко переносят на других. По сути, средневековую культуру во всей ее глубине мы открываем только сейчас². На долгие годы из восприятия города выпала черта религиозного символизма. Вся тайна его оказалась в самом себе и раскрывается в современной земной плоскости, общественной жизни, а не в будущем веке. Город как бы самообожествился. Этими свойствами наполняются реальные сферы деятельности – экономическая, социальная, политическая, научная, художественная.

Новое время в Европе настало вследствие революционного переворота, совершенного главным образом горожанами. Поэтому для них город с его промышленностью, распределением, свободой, законом и т.д. стал самым лучшим местом на земле. Это состояние отличается от жизни только что узнанных в эпоху великих географических открытий народов. Сравнение породило идею *прогресса*, органическим продолжением которой является идея социализма и коммунизма. Победивший в революции город, или буржуазный

² См.: Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995; Брагина Л.М. Итальянские гуманисты XV века о культурно-исторических традициях средневековья // Культура Возрождения и средние века. М., 1993. С. 42-51.

строй, создал новую идеологию истории, поделив ее на дикость, варварство и цивилизацию. Западноевропейское общество представило себя венцом исторического развития человечества, и все остальные состояния культуры сравнивало с собой как с абсолютной нормой. Представления о всеобщем прогрессе, именно прогрессе городском – научно-техническом и промышленном, теснейшим образом переплетены с *эволюционным* мировоззрением. Последнее также родилось в первую очередь в политическом сознании: от общины, а может быть и стада, с точки зрения натуралистов, – к племени, союзу племен, а потом к городу и государству. В подобного рода социальном самосознании содержатся корни ряда философских концепций генезиса городской жизни. Так, город стал рассматриваться как центр ремесла и торговли, производства, обмена и контроля над богатствами в форме государственных институтов. Теоретический экономизм в отечественном обществознании получил распространение в советский период. Ф. Энгельс в работе “Происхождение семьи, частной собственности и государства” в духе эволюционных подходов к истории выводил цивилизацию непосредственно из родо-племенных организаций³. Большинство же современных исследователей придерживаются мнения, что город возникает в результате качественного преобразования общества и человека при радикальном разрыве с прежней родо-племенной и мифологической стадией, более того, отмечается, что города возникают на новом необжитом месте.

³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21.

Содержание

И.Ф. Албегова

Социология социальных проблем как инновационное научно-практическое направление исследования современного российского общества5

В.Т. Анисков, А.Р. Хаиров

Склоненное слово (к 1000-летию православия на Ярославской земле)9

М.В. Афонин

К вопросу о международной правосубъектности «Группы восьми» (G8)13

М.В. Афонин, Ю.В. Бабак

Международная защита прав ребенка как институт международного права.....17

О.Г. Белохвостова, И.Ю. Киселев

О статусе России в «Большой восьмерке»24

Ю.А. Головин, А.В. Дан-Чин-Ю

Политико-экономические аспекты присоединения России к ВТО28

О.В. Епархина

Социальное настроение в анализе пространства социального конфликта31

О.К. Ефимова

Проблемы демократии в условиях глобализации36

И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнова

Проблема познания угрозы в теориях международных отношений45

<i>И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнова</i> Россия в «Группе восьми»: основные направления исследования	49
<i>В.И. Корнилов</i> Социальная политика как условие функционирования рыночной экономики.....	53
<i>Н.В. Кукина</i> Перспективы многопартийной системы в России	56
<i>Г.М. Нажмудинов, Т.Р. Гайнутдинов</i> Экспозиция события	60
<i>И.В. Попова, И.Ф. Албегова</i> К вопросу о методологии социологического исследования.....	66
<i>Н.В. Попова</i> Кризис идентичности в сознании российского общества: причины и основные тенденции.....	70
<i>Л.Д. Руденко</i> Теории урбанизации в изучении региональной динамики.....	74
<i>А.Г. Смирнова</i> Образ государства как инструмент познания угрозы в международных отношениях.....	77
<i>А.В. Соколов, Т.С. Аكوпова</i> Проблемы реализации реформы местного самоуправления в Ярославской области	81
<i>Н.А. Соловьева, Е.Б. Воробьев</i> Региональный опыт реализации геронтополитики в условиях современной России.....	85
<i>В.В. Томашов</i> «Американский фактор» и его влияние на формирование антропологии неофрейдизма	89

<i>А.Г. Шатохин</i>	
Особенности регулирования социально-трудовых отношений социально-слабозащищенных групп населения	94
<i>И.Г. Шатохин</i>	
Необходимость формирования в России института накопительной пенсии.....	96
<i>С.А. Шубина</i>	
Начальный период истории Российской духовной миссии в Китае	98
<i>А.Г. Шустров</i>	
Город как предмет исследования	103

Научное издание

**Вестник
социально-политических
наук**

Выпуск 7

Редактор, корректор А.А. Аладьева
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 26.06.2007. Формат 60x84/16. Бумага тип.
Усл. печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 5,25. Тираж 70 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.
Отпечатано
ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001.

г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37
тел. (4852) 73-35-03, 58-03-48, факс 58-03-49.